

Оригиналы и подделки в книжной серии «Назидательная литература эпохи Салджукидов на персидском языке»

А. А. Хисматулин

Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9708-0382>; e-mail: khism@mail.ru

Резюме: на сегодняшний день в книжной серии «Назидательная литература эпохи Салджукидов на персидском языке: Оригиналы и подделки» опубликованы две книги: *Амир Му'иззи Нишапури. Сийасат-нама/Сийар ал-мулук* («Книга о правлении» / «Жития владык») – в 2020 г.; *Сочинения имама ал-Газали* – в 2017 г. Всего в обеих книгах представлено семь средневековых текстов: *Сийасат-нама / Сийар ал-мулук*; *Зад-и ахират* («Путевой припас для грядущей жизни»); *Насихат ал-мулук* («Совет владыкам»), ч. 1; *Фаза'ил ал-анам мин раса'ил Худжжат ал-ислам* («Достоинства людей из посланий Довода ислама»); *Эй, фарзанд / Аййуха ал-валад* («О, дитя»); *Панд-нама* («Письмо с советами») и *Насихат ал-мулук*, ч. 2. Четыре из семи перечисленных текстов относятся к категории преднамеренных подделок или текстов с ложной атрибуцией, скомпилированных с вполне определёнными целями и для конкретной целевой аудитории.

1. *Сийасат-нама / Сийар ал-мулук* («Книга о правлении» / «Жития владык») – этот текст, как показывают результаты исторического, кодикологического и текстологического анализов, был скомпилирован Мухаммадом Му'иззи Нишапури, главой департамента поэтов при салджукидском правителе Маликшахе, а затем приписан им перу убитого Низам ал-мулка с единственной целью – получить должность при Дворе нового верховного правителя Салджукидов.

2. Три текста, завершающие вторую книгу серии и приписанные Мухаммаду ал-Газали, также представляют собой подделки, самая известная из которых *Аййуха ал-валад* («О, дитя»). Этот текст изначально был скомпилирован по-персидски под названием *Эй, фарзанд* одно-два поколения спустя после смерти имама ал-Газали из: двух подлинных писем Мухаммада ал-Газали; *Айнийя* («Адресованное Айну») – письма его младшего брата Ахмада ал-Газали своему знаменитому ученику 'Айн ал-Кудату ал-Хамадани; и из собственного письма 'Айн ал-Кудата. Позднее созданная подделка была переведена на арабский язык, став популярной под заглавием *Аййуха ал-валад*.

3. В третью книгу планируется включить два подлинных текста: *Кабус-нама* («Книга Кабуса») Кай Кавуса б. Искандара б. Кабуса и *Чахар макала / Маджма' ал-навадир* («Четыре беседы» / «Собрание редкостей») Низами 'Арузи Самарканди. Если позволит объём книги, то в неё может быть включён текст

Фустат ал-'адала фи-л-кава'ид ал-салтана («Шатёр справедливости в правилах султаната»), скопированный Мухаммадом ал-Хатибом в 683/1284-5 г. Уникальная рукопись этого текста хранится в Национальной библиотеке Франции (BnF, Suppl. Turc 1120).

В статье даётся обзор всех текстов, включённых в серию, затрагивается проблема существования подделок в исламской средневековой литературе, их категории и способы идентификации.

Ключевые слова: назидательная литература; средневековые исламские подделки; литературные подделки; Сийар ал-мулук; Сийасат-нама; Низам ал-мулк; Амир Му'иззи; Салджукиды; ал-Газали; Аййуха ал-валад; Насихат ал-мулук; Зад-и ахират; Фаза'ил ал-анам; Кабус-нама; Чахар макала; Фустат ал-'адала; ложная атрибуция; *талбис*; *тазвир*; *музаввир*; *киتاب маджул*

Для цитирования: Хисматулин А. А. Оригиналы и подделки в книжной серии «Назидательная литература эпохи Салджукидов на персидском языке». *Ориенталистика*. 2020;3(2):497–536. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-2-497-536.

Originals and Fabrications in the Book Series “The Persian Mirrors for Princes Written in the Saljuq Period”

A. A. Khismatulin

*The Institute of Oriental Manuscripts (IOM) of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9708-0382>; e-mail: khism@mail.ru

Abstract: two books have been published to date in the book series – the Persian Mirrors for Princes Written in the Saljuq Period: Originals and Fabrications. They are: *Amir Mu'izzi Nishapuri. The Siyasat-nama/Siyar al-muluk: A Fabrication Ascribed to Nizam al-Mulk* (2020) and *The Writings of Imam al-Ghazali* (2017). Altogether, these books examine seven medieval texts: the *Siyasat-nama/Siyar al-muluk*, the *Zad-i Akhirat*, the *Nasihah al-muluk*, pt. 1, the *Faza'il al-anam min rasa'il Hujjat al-Islam*, the *Ei Farzand/Ayyuha al-walad*, the *Pand-nama*, and the *Nasihah al-muluk*, pt. 2. Four of the seven texts belong to the category of deliberate fabrications or the texts with false attribution, compiled with quite specific goals and for specific target audience.

1. The results of the historical, codicological, and textual analysis reveal that the *Siyasat-nama/Siyar al-muluk* (The Book of Government/The Vitae of Rulers) was compiled by Muhammad Mu'izzi Nishapuri, the Head of poets department under the Saljuqid ruler Malik-shah. Subsequently, he ascribed it to the murdered Nizam al-Mulk in order to be appointed to a position at the Saljuqid court.

2. The last three texts published in the second book and ascribed to al-Ghazali are forgeries as well. The most famous of them is the *Ayyuha al-walad* (O Child). This text was initially written in Persian under the title *Ei farzand*, however, one or two generations after the death of Muhammad al-Ghazali. For its compilation were used: two genuine letters by Muhammad al-Ghazali; the *'Ayniyya* – letter by his brother Ahmad al-Ghazali to his famous disciple 'Ayn al-Qudat al-Hamadani; and the text taken from 'Ayn al-Qudat's own letter. Later, the compiled text was translated into Arabic and began to circulate under the title *Ayyuha al-walad*.

3. The third book is going to comprise two authentic texts: the *Qabus-nama* (The Book of Qabus) by Kay Kawus b. Iskandar b. Qabus and the *Chahar maqala/Majma' al-nawadir* (Four Discourses/Miscellany of Rarities) by Nizami 'Aruzi Samarqandi. If possible, the *Fustat al-'Adala fi-Qawa'id al-Saltana* (A Tent of Justice In the Rules of Sultanate) compiled by Muhammad al-Khatib in 683 AH/1284-5 AD will be also included in this book. For the publication will be used the unique manuscript preserved in the National Library of France (BnF, Suppl. Turc 1120).

The article offers a review of the texts included in the series and deals with the problem of literary forgeries and fakes in medieval Islamic literature, their types as well as the ways of their identification.

Keywords: Literature, medieval, Islamic, Mirrors genre; Iran, literature of, Middle ages, forgery; texts, false attribution, fakes; Nizam al-Muluk; Siyar al-muluk; Siyasat-nama; Amir Mu'izzi; Ghazali, Muhammad; Nasihat al-muluk; Faza'il al-anam; Zad-i Akhirat; Ayyuha al-walad; Saljuqids; Chahar maqala; Majma' al-nawadir; Qabus-nama; Fustat al-'adala fi-qawa'id al-saltana; Saljuqides; *talbis*; *tazwir*; *muzawwir*; *kitab maj'ul*.

For citation: Khismatuln A. A. Originals and Fabrications in the Book Series “The Persian Mirrors for Princes Written in the Saljuq Period”. *Orientalistica*. 2020;3(2):497–536. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-2-497-536.

Введение¹

Сочинения в жанре назидательной литературы, написанные в эпоху Великих Салджуков (XI–XII вв.) на персидском языке, в последнее время живо обсуждаются как западными иранистами, так и иранскими специалистами по этому периоду, не говоря уже о турецких исследователях. По данной тематике ими издано большое количество статей и монографий, которые при желании без труда можно найти в Интернете. Затрагиваемые ими вопросы вновь стали актуальными скорее всего в связи с желанием понять, какую политическую модель организации исламского общества можно было бы считать идеальной в непростых современных условиях.

Таковыми же непростыми политические условия были и в Салджукидский период. Говоря упрощённо, тюрки-кочевники, традиционно обладавшие хорошо подготовленной и мощной армией, завоевали весь иранский мир и значительную часть арабского; иранская элита, искушённая в вопросах управления оседлым населением и сбора налогов с него, обслуживала интересы этих тюрков, небезосновательно считая себя фактическими правителями империи Салджукидов; в Багдаде арабские халифы из династии 'Аббасидов играли, по сути, роль сторонних наблюдателей, занимаясь в основном вопросами религии и легализуя восхождение на трон салджукидских правителей. Во многом благодаря иранской администрации персидский язык, уже ставший государственным, постепенно становился и языком науки.

С религиозной точки зрения данный период – это пример многовекторной религиозной конкуренции между разными вероучениями-мазха-

¹ Англоязычную версию статьи см.: [1]; подробн. см. Предисловие к серии [2, с. 12–40].

бами. Конкурентное преимущество в соперничестве между ханафитами и шафиитами получали те, кого в авторитарной системе управления поддерживала власть в лице премьер-министра и султана. Веротерпимость доминировавшей суннитской администрации в целом сохранялась для мусульман-шиитов, несмотря на серьёзное противостояние двух административно-чиновничьих групп – хурасанской и иракской. Использование такой терминологии подразумевало геоконфессиональную связку. Под хурасанскими чиновниками имелись в виду сунниты, выходцы из тогдашнего Хурасана, а под иракскими – прошиитски настроенные выходцы из Персидского Ирака (Ирак ал-'аджам), т. е. центральных и северных областей современного Ирана.

О полной лояльности официальных властей к шиитам говорить не приходится. В то время любой из них мог быть сначала обвинён в симпатиях к батинитам-исмаилитам, идеологическим родственникам шиитов и серьёзным противникам действующей администрации, а затем и казнён. Такая опасность иной раз заставляла шиитов прибегать к скрыванию своего мазхаба, используя принцип *такиййа* (تقیه) и маскируясь под шафиитов, из четырёх суннитских мазхабов наиболее лояльно относившихся к шиитам. Поэтому оппоненты как шиитов, так и шафиитов в религиозной полемике нередко использовали ярлык двойного назначения «чистый / очищенный» (پاکیزه) шафиит.

Батиниты-исмаилиты во главе с Ахмадом 'Атташем (казнён 500/1107) и Хасаном ал-Саббахом (ум. 518/1124) [3] стали ещё одним центром силы на довольно продолжительное время, выступив открыто против вертикали власти Салджукидов. Иногда они подвергались преследованиям и уничтожению, иногда использовались как инструмент в междоусобной борьбе за власть среди чиновников высшей администрации. По мнению Джалал ал-дина Мухаддиса Урмави (ум. 1358/1979), редактора и комментатора персидского сочинения *Ба'д масалиб ал-навасиб фи-накд «Ба'д фада'их ал-равафид»*, написанного между 556–566/1161–1170 гг. 'Абд ал-Джалилом Казвини Рази, шиитским автором VI/XII в., в качестве опровержения клеветы на шиитов:

«Каждый из салджукидских султанов, министров-вазирова и военачальников-амиров, собравшись устранить своего конкурента и уничтожить своего соперника, сговаривался с исмаилитами – Хасаном Саббахом и его последователями – и свергал его с их помощью» [4, i, p. 285]².

Вывод Джалал ал-дина Урмави нельзя без исключений распространять на всю высшую администрацию Салджукидов хотя бы потому, что к сговорчивым вазирам не относились Низам ал-мулк (уб. 485/1092), выдающийся премьер-министр Салджукидов, и его сыновья. Поэтому

² Здесь и далее перевод автора.

более объективными представляются результаты анализа фактов, приведённых как в исторических хрониках, так и в сочинениях авторов, принадлежавших к разным мазхабам.

«Эти [= религиозные] противоречия проявились в различных плоскостях. В культурной плоскости шла борьба, сопровождавшаяся организацией собраний-диспутов, компиляцией книг по богословию и религиозной идеологии для утверждения или опровержения какого-то мазхаба, основанием учебных заведений, предназначавшихся последователям конкретных мазхабов, а культурно-научная активность ограничивалась религиозными областями и прекращением развития рациональных наук. В политической плоскости обрела размах практика устройства в министерствах и при Дворе заговоров против соперников по мазхабу, создав предпосылки для террора и изгнания в ссылку политических противников. Это лишило общество единства и политической независимости. В военной плоскости распространилась практика уничтожения противников по мазхабу и террора против политических и религиозных деятелей, а общество лишилось социальной безопасности» [5, p. 72].

Именно на столь пёстром религиозно-политическом фоне возникали назидательные тексты, иной раз действительно написанные известными религиозными и политическими деятелями, а чаще приписанные им с вполне конкретными целями.

Сочинения, включённые в серию

Традиция создания назидательных сочинений уходит корнями в доисламскую эпоху и довольно детально проанализирована в современных исследованиях [6]. Но в исламской литературе она приобретает свои характерные особенности. Эти особенности напрямую связаны с развитием бюрократической системы и касаются того, кем, для кого и с какой целью писались обычно тексты, которые сегодня причисляют к назидательному жанру. Чтобы получить относительно объективное представление об их специфике в период правления Салджукидов с их разветвлённым бюрократическим аппаратом, в данной серии из трёх книг планируется представить несколько таких текстов.

Русские переводы каких-то из них публиковались ещё в середине XX в., но по многим причинам на сегодня они уже устарели. В число этих причин входит прежде всего:

- 1) отсутствие критических изданий текстов, которые были опубликованы позже;
- 2) отсутствие современных персидских толковых словарей;
- 3) отсутствие доступа ко многим источникам в рукописных хранилищах по всему миру;

4) отсутствие полноценного обмена публикациями между учёными из разных стран, который шёл крайне медленно, занимая порой годы, особенно в советское время;

5) влияние господствовавшей идеологии при подготовке введения и редактировании перевода;

6) отсутствие терминологической дифференциации и унификации терминов при переводе.

Если первые пять причин можно считать объективными и во многом независимыми от желания переводчиков, то последняя причина касается отсутствия филологического подхода к переводу. Это общая беда литературно обработанных переводов, которая наиболее отчётливо проявлялась в XIX – первой половине XX в. при переводе стихов Хайяма, Хафиза, Джалал ал-дина Руми и т. д., а точнее – при их вольном переложении в угоду русскому вкусу и слуху и в меру разумения инокультурных реалий русскими поэтами, подвизавшимися на этом поприще.

Увы, та же самая беда постигла и многих переводчиков персидской прозы. Внешне их переводы выглядят и ладно и складно, а при сопоставлении с текстом оригинала не выдерживают никакой критики, особенно в сочетании с другими перечисленными причинами. Современному специалисту просто нечего делать с их переводами, пожалуй, за исключением указателей и отдельных примечаний к тексту, которые не устарели до сих пор только в том случае, если основывались на сведениях из письменных источников. Иные фразы в таких переводах – это сплошь домыслы в литературной обработке. Другими словами, целевая аудитория у этих переводов – некий широкий читатель, а не специалист.

Другие тексты, включённые в серию, издаются впервые. Однако все они входят в классическое наследие персидской литературы, переосмысление которого – закономерный и неизбежный процесс не только для носителей персидской культуры, переиздающих эти тексты с завидной регулярностью.

Первая книга серии – *Амир Му'иззи Нишапури. Сийасат-нама / Сийар ал-мулук («Книга о правлении» / «Жития владык»): подделка, приписанная Низам ал-мулку* [2], – представляет классический текст, хорошо известный каждому иранисту по двум приведённым заглавиям (см. рис. 1). Переведённый как минимум на 11 языков, включая русский в переводе Б. Н. Заходера [7], этот текст до сих пор издаётся и переиздаётся в Иране под авторством Низам ал-мулка. Однако, как показывают результаты исторического, кодикологического, текстологического и стилистического анализа, текст был скомпилирован Мухаммадом Му'иззи Нишапури (ум. между 518–522/1124–1128) [8], главой департамента поэтов (Амир ал-шу'ара) при салджукидском султани Малик-шахе (отравлен 485/1092) [9], а затем намеренно приписан им перу убитого Низам ал-мулка с совершенно конкретной целью – получить статусную долж-

ность при дворе нового салджукидского правителя. Инновационная идея Му'иззи – прокомментировать статьи юридического документа, т. е. трудового соглашения (مواضعه) Низам ал-мулка с султаном-работодателем, различными историями, преданиями, рассказами и т. п. Основной способ компиляции – присоединить этот комментарий по возможности к каждой статье трудового соглашения. Так возникла первая редакция текста. После неё появилась вторая, созданная неизвестным средневековым редактором. Он сократил исходный текст, частично отредактировал его и внёс изменения в предисловие, представив его автором Низам ал-мулка. К этим тезисным выводам приводят результаты анализа, проведённого во Введении к переводу первой редакции в такой последовательности:

- краткий обзор предыдущих изданий и результатов исследований до и после обнаружения копии Мухаммада Нахджавани (Часть 1);
- кодикологический взгляд на самые ранние списки *Сийар ал-мулук* (Часть 2);
- исторический контекст появления *Сийар ал-мулук* (Часть 3);
- ссылки независимых источников на *Сийар ал-мулук* в авторстве Низам ал-мулка (Часть 4);
- текстологический анализ двух основных редакций текста включая стилеметрический анализ анонимной касиды, которая завершает прозаический текст первой редакции (Часть 5);
- выделение статей трудового соглашения-*муваза'а* Низам ал-мулка, которые сначала легли в основу первой редакции *Сийар ал-мулук*, а затем благополучно сохранились и во второй; статистические данные по выделенному трудовому соглашению говорят о том, что оно было очень небольшого объёма, составляя 3472 (15 479) слова (знаков с пробелами) или около того, т. е. объём подлинных статей по отношению к объёму добавленного комментария был менее 5%.

В конце книги приведены несколько указателей [2, с. 627–649], подготовленных по русскому переводу. Среди них есть Тематический указатель. В нём выделены такие темы: Армия (Категории лиц и служащих, Материально-техническое обеспечение); Двор (Атрибутика и церемонии, Документы и распоряжения, Категории лиц и служащих, Финансирование); Налогообложение; Система правосудия и наказания (Категории лиц и служащих, Категории правонарушителей, Преступления, Наказания); Социальные категории подданных. Термины и слова, введённые в этот указатель, унифицированы, а их контекстное употребление можно с лёгкостью отследить сначала по переводу, а затем и по персидскому оригиналу, который прилагается к переводу.

Здесь следует обратить внимание на один факт. В начале 1960-х гг. появляется первое сообщение о неожиданно обнаруженной самой старой копии *Сийар ал-мулук*. Это происходит на фоне международного скандала, связанного с физическими подделками древних манускриптов

(см. ниже). По мнению Хуберта Дарка (Hubert Darke), английского издателя редакции (своё предисловие к книге он написал на двух языках – персидском и английском), представленной в этой копии, она восходит чуть ли не к автографу Низам ал-мулка.

«С момента публикации моего первого издания этого текста в 1962 г. или, скорее, на завершающих стадиях его печати мне стало известно о наличии в Табризе рукописи, которая старше любой из известных до сих пор. Эта рукопись, хранящаяся в коллекции Нахджавани и содержащаяся в Национальной библиотеке, датируется 673/1274 г. и по аккуратности, так сказать, по надёжности, намного превосходит все прочие рукописи» [10, p. v].

Обнаруженную рукопись затем стали называть копией Нахджавани по имени первого владельца рукописи Мухаммада Нахджавани (ум. 1341/1962) – известного в Иране мецената, коллекционера и библиофила [11]. Его копия представляет вторую редакцию текста в авторстве Низам ал-мулка. С тех пор эта редакция начала играть ведущую роль в дальнейших исследованиях как в самом Иране, так и за его пределами.

Вторая книга серии – *Сочинения имама ал-Газали* (ум. 505/1111). По объективным причинам она вышла чуть раньше первой (см. рис. 2) [12], но, надеюсь, будет переиздана в комплекте всех книг серии. Сначала в ней представлены три подлинных текста: руководство-пособие для студентов, озаглавленное автором как *Зад-и ахират* («Путевой припас для грядущей жизни») [12, с. 13–88]; аутентичная часть послания ал-Газали султану Санджару (ум. 552/1157) под атрибутированным названием *Насихат ал-мулук* («Совет владыкам») [12, с. 89–154]; сборник писем имама к различным адресатам под заглавием *Фаза'ил ал-анам мин раса'ил Худжжат ал-ислам* («Достоинства людей из посланий Довода ислама») [12, с. 155–264].

Вслед за подлинниками в книгу включены три подделки. Две первые из них созданы путём компиляции текстовых блоков, взятых из подлинных сочинений ал-Газали, с неаутентичными вставками. Первая подделка – это до сих пор считавшееся подлинным письмо ал-Газали к его уже зрелому ученику, получившее известность в персидском оригинале и арабском переводе под двумя названиями – *Эй, фарзанд / Аййуха ал-валад* («О, дитя») [12, с. 266–326]. Вторая – компилятивное письмо к какому-то правителю под названием *Панд-нама* («Письмо с советами») [12, с. 327–354]. Завершает книгу текст, который был адресован некоему салджукидскому султану и стал известен как под своим собственным названием – *ал-Фарк байна ал-салих ва гайр ал-салих* («Разница между благочестивым и неблагочестивым»), так и в качестве «второй части» *Насихат ал-мулук*, намеренно или механически присоединённой к аутентичному тексту [12, с. 355–436].

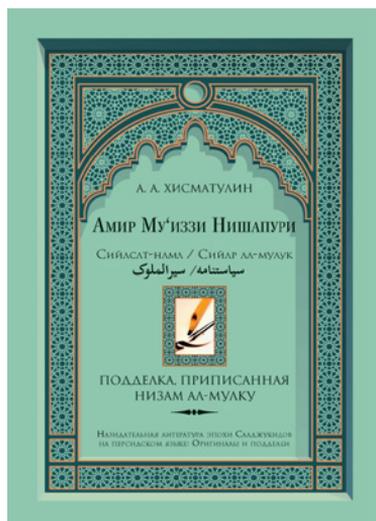

Рис. 1. Обложка книги «Амир Му'иззи Нишапури. Сийасат-нама / Сийар ал-мулук («Книга о правлении» / «Жития владык»): подделка, приписанная Низам ал-мулку»

Fig. 1. Book cover Amir Mu'izzi Nishapuri. The Siyasat-nama/Siyar al-muluk: a fabrication ascribed to Nizam al-mulk

Если позволит объём третьей книги, то кроме упомянутых текстов в неё войдёт *Фустат ал-'адала фи-л-кава'ид ал-салтана* (فسطاط العدالة في القواعد السلطنة) – «Шатёр справедливости в правилах султаната». Уникальный список этого текста, который по ошибке попал в тюркскую часть коллекции рукописей Национальной библиотеки Франции (BnF, Suppl. Turc 1120), был обнаружен ещё в середине XX в. Османом Тураном (Osman Turan, ум. 1978), известным турецким специалистом по истории Салджукидов, но до сих пор остаётся неизданным³. Этот текст был скомпилирован в 683/1284-5 г. Автор компиляции решил преподнести её Музаффар ал-дину Йавлак Арслану б. Алп Йураку (Muzaffar al-din Yavlak Arslan b. Alp Yürek, ум. 691/1292), военачальнику и локальному салджукидскому правителю области Кастамону (Kastamonu) в Северо-Западной Анатолии [13; 14].

Текст примечателен тем, что создан на основе первой редакции *Сийар ал-мулук*. Дошедший до нас список, увы, дефектный. Но даже по нему видно, что автор *Фустата* позаимствовал из *Сийар ал-мулук* гла-

В третьей книге серии планируется издать два заново переведённых сочинения двух разных авторов. Это *Кабус-нама* («Книга Кабуса») в авторстве Кай Кавуса б. Искандара б. Кабуса (ум. 462/1069–70) и *Чахар макала* («Четыре беседы»), или *Маджма' ал-навадир* («Собрание редкостей»), принадлежащее перу Низами 'Арузи Самарканди (ум. во второй половине VI/XII в.). В течение XIX–XX вв. *Кабус-нама* была переведена на основные европейские языки как с персидского оригинала, так и со средневековых тюркских переводов. В русском переводе книга публиковалась дважды: в переводе О. С. Лебедевой (1886) с татарского и в переводе Е. Э. Бертельса (1953) непосредственно с персидского. Оба перевода, увы, давным-давно безнадежно устарели по перечисленным выше причинам. Включение *Чахар макала* в книгу, также ранее издававшуюся в русском переводе С. И. Баевского и З. Н. Ворожейкиной (1963), обусловлено небольшим объёмом этого текста для публикации его отдельной книгой в избранном для серии формате.

³ Текст с небольшим разрешением (ок. 150 dpi) размещён в свободном доступе на сайте BnF: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10082524b/f1.item.zoom>

вы-*фаслы* 13, 17, 18, 21, 27, 35, 36, 38, 40–47 и «творчески» их переработал. Он где-то сократил, а где-то, наоборот, дополнил приведённые в них рассказы, везде перефразировав их так, что они стали практически неузнаваемыми. То же самое он проделал и с касидой Амира Му'иззи. Она завершает прозаический текст *Фустата* так же, как завершает и первую редакцию *Сийар ал-мулук* [2, с. 156–170]. Создаётся стойкое впечатление, что автор *Фустата* намеревался максимально замаскировать источник своих заимствований, прибегнув к интеллектуальному редактированию – одному из трёх основных способов создания литературных подделок (см. ниже).

Заключительная книга серии будет содержать Послесловие к серии, в котором будут подведены её итоги и суммированы результаты, полученные в ходе текстологического анализа опубликованных в ней текстов.

Поскольку серия посвящена как оригиналам, так и подделкам, имеет смысл дать чёткое определение того, что в ней понимается под подделками и было ли такое понимание характерно для исламской литературы Салджукидского периода, а также затронуть вопрос о категориях подделок и способах их идентификации.

Определения подделок

Время от времени в современных научных публикациях можно встретить сочинение, которое исследователи приписывают какому-то автору, подразумевая вероятность ложной атрибуции (*the false attribution*). Такая формулировка предполагает, что аутентичность, или подлинность, авторства сочинения не определена, не доказана или вызывает сомнения. Чтобы подчеркнуть факт сомнительного или до сих пор невыясненного авторства, иногда к имени автора добавляют определение – псевдо.

Ложно атрибутированные сочинения встречаются в любой культурной традиции. Можно даже говорить о том, что их наличие – это неотъемлемый элемент культуры, возникающий, как правило, по двум причинам. Во-первых, когда при отсутствии прямого указания на авторство историки и литературоведы, основываясь на каких-то косвенных признаках, начинают считать тот или иной текст принадлежащим перу некоего автора. Во-вторых, когда кто-то, написав некий текст, преднамеренно скрыл своё авторство и приписал его другому лицу, преследуя какие-то свои цели. В результате возникает текст с ложной атрибуцией,

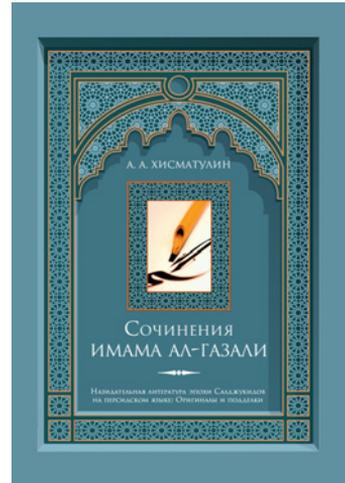

Рис. 2. Обложка книги
«Сочинения имама ал-Газали»

Fig. 2. Book cover
The Writings of al-Ghazali

которая во втором случае отягощается ещё и фактом подделки. Нередко случается так, что при всестороннем анализе текста выявляются обе причины, т. е. исследователи приписывают текст тому, кому его приписал фальсификатор. Поэтому в данной серии под подделками подразумеваются тексты с ложной атрибуцией, которые случайно или преднамеренно были приписаны лицам, непричастным к созданию этих текстов.

Хорошо известно, что создатель любой подделки (картины, украшения, банкноты и т. п.) следует уже заданному и узнаваемому образцу подлинника, пытаясь максимально приблизить её к нему с минимизацией затрат в части изготовления. При этом способы изготовления подделок внешне очень похожи на способы создания оригиналов, а минимизация затрат происходит за счет фальсификации уникальности путём её копирования с целью извлечения максимальной прибыли. Для успешной фальсификации создатель подделки должен быть экспертом в своей области: изучить форму и жанр творчества автора, его манеру, стилистические особенности и т. д., чтобы затем их скопировать и выдать за подлинные.

Всё то же самое справедливо и для подделок средневековых научных сочинений. Основная задача при идентификации таких подделок – выявить чуждые фрагменты, отделить их от подлинных (если они есть), доказать их неаутентичность и в итоге определить цель создания подделки.

«Подделка – это такой же памятник, как и всякий остальной, но сделанный с особыми целями. Вот почему, чтобы окончательно доказать поддельность памятника, нужно абсолютно ясно и убедительно показать цель, ради которой эта подделка была совершена» [15, с. 341].

Принимая подделку за подлинник в научных исследованиях, делая на её основе выводы и строя целые теории, многие современные авторы иной раз предпочитают умалчивать о том, что имеют дело с подделкой, намеренно сфабрикованной кем-то по корыстным, идеологическим и иным мотивам. Чем дольше длится такое умалчивание и чем больше исследователей его предпочитают, тем выше вероятность того, что спустя какое-то время будет достигнут негласный консенсус по поводу подлинности подделки. Количество перейдёт в качество. В дальнейшем не критическое отношение к ней приведёт к формированию исторического мифа, в который начнут верить уже многие поколения учёных, защищая на нём свои магистерские, кандидатские и докторские работы, публикуя научные статьи и монографии.

«Хорошо, если фальшивку разоблачили по горячим следам, сразу после обнаружения. Она не успевает войти в массовый оборот и заморочить голову многим ни в чём не повинным людям. Но гораздо чаще происходит наоборот. Сенсационный документ широко распространяется, о нём пишут падкие до сенсаций СМИ, тем самым укор-

няя его в массовом сознании. Дискредитировать такой проверенный временем «источник» очень трудно» [16, с. 9].

Отказываться от устоявшихся мифов не только «очень трудно», но всегда крайне болезненно, а порой и просто неудобно. Однако, как показывает практика, факты и современных, и средневековых подделок рано или поздно доказательно вскрываются, а от мифов приходится отказываться. Нет никакого сомнения, что по мере развития цифровых технологий и цифровых гуманитарных наук количество выявляемых подделок будет только расти, приводя к пересмотру прежних представлений, а также к неизбежному крушению многих мифов, бытующих до сих пор в любой культуре. Эта тенденция уже хорошо просматривается при выявлении фейковых новостей в современных СМИ.

Средневековые подделки

Есть достаточно фактов, которые говорят о том, что фабрикация текстов с их припиской известным людям была не столь уж редким явлением в средневековом исламе. Показательным примером хождения преднамеренных подделок и ложных атрибуций в мусульманской письменной традиции служит факт наличия в ней огромного корпуса высказываний-хадисов, входящих в категорию поддельных, – *ал-хадис ал-мауду* (الحديث الموضوع). По разным причинам и с разными целями их авторство когда-то и кем-то было приписано Пророку, а определение им дано самими мусульманскими исследователями [17, р. 323–341]. То же самое можно сказать о созданной кем-то так называемой 115-й суре Корана [18, р. 414–419]. Если цель оправдывала средства в связи с высказываниями Пророка и даже применительно к Корану, то что уж говорить о прочих авторах и их сочинениях.

Наиболее заметные примеры средневековых подделок в персоязычной письменной традиции связаны с творчеством поэтов, чьи имена на слуху не только у иранцев. Существует множество четверостиший, приписываемых Умару Хаййаму (ум. 510/1131)⁴. Кем-то созданный и приписанный Джалал ал-дину Руми (ум. 672/1273) седьмой дафтар *Маснави* и т. д. Практически каждый популярный средневековый персидский поэт стал после смерти обладателем стихов, которых он никогда не сочинял и авторов которых выявить сейчас едва ли возможно.

Современным учёным предстоит более пристально и системно взглянуть на то, что их средневековые коллеги писали о подделках, не ограничиваясь обращениями к этой тематике лишь в связи с физическими подделками⁵. К примеру, имам Мухаммад ал-Газали говорит о трёх попытках

⁴ См., например, интервью М. С. Бакониной от 19.06.2017 с Олегом Ф. Акимушкиным [19].

⁵ Общий обзор проблемы в персидской культурной традиции с указанием частных случаев физических подделок см. в коллективной статье Forgeries на сайте *Encyclopædia Iranica* [20].

подделать его сочинения. На фронтисписе к первой, подлинной, части *Насихат ал-мулук* («Совет владыкам»), адресованной султану Санджару [21], имам делает запись, которая потом входит третьим письмом в сборник его писем под названием *Фаза'ил ал-анам мин раса'ил Худжжат ал-ислам* («Достоинства людей из посланий Довода ислама»), сообщая:

«В завистниках разыграла зависть. Они не нашли более приемлемого [способа] охаивания, кроме как совершить фальсификацию (*талбис*): в книге *ал-Мункиз мин ал-далал* и в книге *Мишкат ал-анвар* они изменили несколько фраз, внесли туда фразы неверия и отправили мне, чтобы я написал письменное разрешение (*иджаза*)⁶ на их фронтисписах. Пречистый и Всевышний Поклоняемый Своей милостью и щедростью сподобил меня наитием изучить их и осознать их фальсификацию. Затем об этом случае стало известно главе Хурасана. Арестовав подложника (*музаввир*), он в конце концов выслал его из Нишапура, после чего тот отправился в ставку к Владыке ислама и распустил свой язык охаивания, но оказался бессилён. Тогда он взял конспект, который я сделал в детстве и на фронтисписе которого написал *ал-Манхул мин та'лик ал-усул*. Некоторые ещё за тридцать лет до этого в силу зависти прибавили к нему [= конспекту] ряд фраз, охаивающих имама Абу Ханифу» [12, с. 116, 184].

Как видно из этого отрывка, одна из трёх попыток оказалась удачной. Если такие попытки предпринимались ещё при жизни ал-Газали, то можно представить себе, что происходило уже после его смерти. Со слов имама, подложник был арестован, но вскоре отпущен. Иначе говоря, создание подделок уже в те времена считалось противоправным деянием. Уже тогда оно подвергалось осуждению и влекло наказание с точки зрения мусульманского законодательства. В нём подделки именовались терминами *талбис* – 'фальсификация' путём редактирования авторского текста и *тазвир* – 'подделка', а их создатели термином *музаввир* – 'подложник'.

В своих сочинениях наши средневековые коллеги также нередко упоминают случаи откровенного плагиата, имевшего место в их окружении. Плагиат определялся арабским термином *ал-сирка* – букв.: 'воровство'. Скажем, ал-Худжвири, автор одного из первых персоязычных сочинений по суфизму *Кашф ал-махджуб* («Раскрытие скрытого за завесой») (V/XI в.), сетует на то, что единственная копия сборника его стихов была украдена его современником, который присвоил авторство себе. Также ал-Худжвири говорит о к счастью провалившейся попытке замены его имени в качестве автора на другое в сочинении *Минхадж ал-дин* («Путь религии»).

⁶ Иджаза, или хатт-и иджаза – письменное разрешение от автора, верифицирующее копию его сочинения и превращающее её, по сути, в оригинал (*асл*). Эта процедура чем-то напоминает современное нотариальное заверение копий документов, которое в Средневековье делалось на фронтисписе рукописи – месте, отводившемся для разнообразных записей.

«Желание зафиксировать своё имя в начале книги было двояким: одно – удел искушённых, другое – удел общих. Что касается общего удела, то он – в том, что если невежественные в данном знании увидят какую-нибудь новую книгу, в которой имя её сочинителя (*мусанниф*) не зафиксировано в разных местах, то они могут приписать такую книгу себе, из-за чего сочинитель не достигнет своей цели. Ведь желание собирать (*джам*), компилировать (*та'лиф*) и сочинять (*тасниф*) заключается лишь в том, чтобы имя сочинителя жило благодаря его книге, а читатели и учащиеся молились за его благо.

Со мной такое случилось дважды. Один раз некто попросил у меня сборник моих стихов (*диван*) и придержал его у себя, а оригинал был в единственной копии. Он всё в нём переименовал, выбросив из титула моё имя и сведя на нет мои труды. Аллах его простит! Ещё я написал книгу о методе в суфизме под названием *Минхадж ал-дин*. Один жалкий притязатель, о котором не стоит говорить, вычистил моё имя с её титула и представил обывателям так, как будто написал её сам, хотя искушённые люди потешались над его словами» [22, р. 1–2]⁷.

Примеры таких противоправных действий можно найти в каждой эпохе. Известный шафиитский учёный Джалал ал-дин ал-Суйути (ум. 911/1505), поражённый случаем неприкрытого плагиата, который с ним произошёл, даже написал небольшое эссе на эту тему под названием *ал-Фарик байна-л-мусанниф ва-л-сарик* («Различитель между сочинителем и плагиатором») [23].

Приведённые факты ясно свидетельствуют о том, что преднамеренные подделки и плагиат были распространены в средневековом исламе, относясь тогда, как и сейчас, к противозаконным, порицаемым и наказуемым деяниям. Несмотря на внешнее сходство, плагиат следует рассматривать отдельно от подделок. Ведь если в случае плагиата мы имеем дело с банальным воровством, то в случае преднамеренной подделки сталкиваемся всё-таки с творчеством, хотя и специфическим. Вовлечённые в такое творчество лица использовали либо имя известного автора, либо его интеллектуальную собственность, либо то и другое вместе, прибегая к разным способам и приёмам.

Для выявления подделок, прежде всего, необходимо иметь представление о традиционных формах творчества в научной литературе мусульманского Средневековья. Зная форму создания сочинения с сомнительным авторством, уже можно обращаться к текстологическому анализу этого сочинения, сравнивая его содержание, логику, стиль изложения и т. п. с эталоном, т. е. гарантированно подлинным текстом (или, лучше, текстами), написанным в той же форме и жанре.

⁷ Ср.: Али ибн Усман аль-Худжвири; Перевод с английского А. Орлова. Научный редактор русского перевода Н. Пригарина. *Раскрытие скрытого за завесой. Старейший персидский трактат по суфизму*. М.: Единство; 2004. С. 2.

Формы средневековой научной литературы

Как сегодня есть шаблоны и рекомендации для написания магистерских, кандидатских и докторских диссертаций, так и у средневековых мусульманских учёных существовали основные формы написания научных трудов. Их три: сбор (*джам'*) материала, его компиляция (*та'лиф*) и сочинительство, или систематизация / классификация (*тасниф*). Все три термина упомянуты в приведённом выше отрывке из *Кашф ал-махджуб ал-Худжвири*. Эти формы были распространены практически во всех жанрах научной литературы того времени: агиографической, исторической, теологической и т. д. Иногда в авторском предисловии встречаются сразу два термина – *джам'* (جمع) и *та'лиф* (تأليف). Но зачастую сбор материала подразумевался как естественный подготовительный процесс перед его компиляцией, тогда в предисловии или в самом тексте упоминается только *та'лиф*. *Тасниф* (تصنيف) представляет собой совершенно иную, самостоятельную форму научного творчества. То же самое относится и к автору, выбравшему для написания своего текста одну из форм. Он именовался, соответственно, либо собиратель – *джами'* (جامع), либо составитель / компилятор – *му'аллиф* (مؤلف), без всякого негативного оттенка, либо сочинитель / систематизатор – *мусанниф* (مصنف). Ключевое отличие между этими формами заключается в соотношении синтеза и анализа.

Первичный та'лиф. Источником для появления компиляции становится преимущественно устная традиция, т. е. компилятор собирает материал для своей работы в основном у живущих информантов или из своих записей и воспоминаний – сродни сегодняшним полевым исследованиям, связанным с интервьюированием респондентов. Затем он проводит отбор-*тахсис* (تخصيص) собранного материала и упорядочивает его, следуя жанровому шаблону, уже заданному существующей литературной традицией, после чего получает право озаглавить свой текст и написать к нему предисловие. Основная задача первичного *та'лифа* – собрать, составить, минимально упорядочить материал по заданному шаблону и в таком виде ввести его в письменную традицию. Максимум передачи информации, минимум её анализа и собственного комментария. Поэтому первичные *та'лифы* используются в основном в жанре агиографической, или житийной, литературы – *макамат*, *тазкира*, *манакиб* и др.

Вторичный та'лиф. Алгоритм работы такой же, как и в случае первичного *та'лифа*, но с одним принципиальным отличием: источником материала для компиляции становится преимущественно письменная традиция, т. е. в основном *та'лифы*, но иногда и *таснифы* предшественников. Основная задача такого *та'лифа* – тематическая подборка сведений, взятых в основном из письменных источников. Именно поэтому вторичный *та'лиф* – самая распространённая форма средневекового научного творчества. Здесь представлен практически весь жанровый спектр. В каких-то жанрах, как, например, хадисоведение, встречаются

компиляции, где нет ни единого слова от автора за исключением предисловия, иногда формального, а порой и вовсе без него.

Оригинальность таких *та'лифов* представлена, во-первых, авторской подборкой источников. Если речь идёт о компиляции на религиозную тему, то эта подборка призвана ясно продемонстрировать читателю принадлежность компилятора к определённой религиозно-правовой школе (*мазхаб*). Взять, допустим, шиитский сборник хадисов. Суннитский хадисовед едва ли станет использовать такой сборник для своего *та'лифа*, разве что в жанре опровержения (*радд*). Во-вторых, в сборнике появляется минимальная аналитика – компилятор располагает подобранный материал, следуя логике и шаблону жанра, в котором работает, и задавая его вектор. Например, в хадисоведческой литературе отчётливо прослеживаются два вектора – либо объединение всех разнотематических высказываний от каждого носителя хадисов, либо подбор их от разных носителей по тематическому принципу. В исторической компиляции (*тарих*) тоже два вектора – это, как правило, фиксирование хронологии событий с тенденцией к расширению и добавлению последующими историографами современных им событий или, наоборот, тенденция к сокращению объёмного материала, представленного предшественниками; в жанре толкования (*шарх*) или опровержения (*радд*) – расширение первичного текста путём последовательного комментирования каждого тематически законченного высказывания с цитированием других текстов и высказываний на эту же тему и т. д. Иными словами, в научно-литературном шаблоне вторичной компиляции уже заложен свой жанровый вектор, которому компилятор должен лишь следовать [24].

Появление и эволюцию вторичного *та'лифа* как формы научного творчества, по-видимому, надо связывать с системой традиционного мусульманского образования, главной особенностью которого было изучение, конспектирование или даже заучивание книг конкретных учёных под руководством опытных наставников. Этот *та'лиф* напоминает сбор элементов мозаики, когда каждый компилятор вправе составить из изученного (лекции) имеющегося или вновь поступившего на интеллектуальный рынок материала (книги) свой собственный узор по уже заданному традицией шаблону. В реалиях сегодняшнего дня такой *та'лиф* по своей структуре и подходу похож на магистерскую работу в гуманитарных науках с крупными собственными мыслями и чередой цитат из разных исследований или кандидатскую диссертацию с той же массой цитат и минимальной аналитикой.

Тасниф – это высший пилотаж аналитической мысли, требующий незаурядного уровня подготовки, а в контексте средневековой науки – высокого религиозного статуса автора-мусаннифа. Тасниф в современных реалиях – это идеальный вариант докторской диссертации. Не случайно в персидском языке в составе именного сказуемого термин используется

также применительно к музыке и стихам – «сочинять стихи, музыку», т. е. создавать нечто оригинальное. Даже при обилии цитат, приведённых в качестве иллюстративно-доказательной базы, анализу в *таснифе* отведено заметное место. Иногда он может занимать до трети текста, что вполне соответствует соотношению синтеза и анализа в современных аналитических исследованиях. Главная задача *таснифа* – предложить новую идею, сломать имеющиеся шаблоны и показать новую грань исследуемого предмета, применив декларативно или фактически инновационный подход, о чём автор не преминет упомянуть в предисловии к книге или в самом тексте. При этом ссылки одного автора на *тасниф*, написанный другим, надо воспринимать критически. Нередко они делались, чтобы просто уважить того или другого или подчеркнуть его высокий религиозный статус (общий подход, а также частные случаи см.: [24–28]).

Основные категории средневековых подделок

Можно выделить три категории подделок, которые изготавливались тремя основными способами и периодически возникали на интеллектуальном рынке средневековой научной литературы. Способы их изготовления очень похожи на описанные выше формы научного творчества.

1. Намеренное присоединение неаутентичного текста к подлинному – наиболее распространённый и довольно легко распознаваемый способ. О нём упомянул ал-Газали в случае с *ал-Манхул мин та’лик ал-усул*, он же рассматривается во Введении к первой книге этой серии в связи с присоединением неавторского комментария к статьям трудового соглашения Низам ал-мулка и добавлением в конце 11 новых глав, а также с присоединением «второй части» к подлинному тексту *Насихат ал-мулк* во второй книге серии. Случаи с седьмым дафтаром *Маснави*, который одно время пытались добавить к шести подлинным, и 115-й сурой Корана также относятся к данной категории.

Этот способ идёт бок о бок с вполне традиционной и легальной манерой написания вторичных *та’лифов*, в частности исторических хроник и антологий. В них текст очень часто обновлялся по хронологическому принципу другим автором с того места, на котором остановился его предшественник. Тексту делалось, так сказать, обновление-апдейт (*update*). Если прибегнуть к кулинарным определениям, то подделку, созданную этим способом, можно уподобить двуслойному пирогу, каждый слой которого создан своим пекарем. Сюда же примыкают случайные ошибки переписчиков при пропуске заглавия и отсутствии колофона, когда текст одного автора не умышленно, а в силу человеческого фактора присоединялся к тексту другого автора и шёл в дальнейшую переписку или перевод в таком «обновлённом» виде. Поэтому при выявлении присоединённой в конце неаутентичной части, которая иной раз даже не стилизована под аутентичную, встаёт ключевой вопрос для

дальнейшего исследования – произошло присоединение случайно или это было сделано преднамеренно.

2. Целенаправленная компиляция текстовых блоков, взятых из подлинных сочинений какого-то известного автора, с неаутентичными текстовыми блоками для создания иллюзии подлинности и достижения своих целей путём апелляции к авторитету этого автора. Такие подделки практически всегда создавались умышленно, следовали определённому плану и преследовали конкретные цели. Наглядные примеры, приведённые во второй книге серии, – две подделки, приписанные ал-Газали: *Эй, фарзанд / Аййуха ал-валад* («О, дитя») и *Панд-нама* («Письмо с советами»).

Подделки, входящие в данную категорию, похожи на многослойный пирог и являются наиболее сложными с точки зрения обоснования их неаутентичности. Ведь всегда можно резонно возразить, что со временем автор на что-то поменял свою точку зрения или вовсе пересмотрел свои взгляды, особенно когда для этого есть формальный повод. Так, очень часто подлинность многих текстов, которые приписываются ал-Газали или вообще являются откровенными подделками, обосновывается лишь пересмотром взглядов имама, вызванным его духовным кризисом и последующим отказом от активной общественной жизни, без приведения более весомых аргументов.

Очевидно, что если такого рода многослойная компиляция никому не приписывается и у неё есть уникальное авторское название и предисловие, то она вполне легальна и создана в форме вторичного *та'лифа*, насыщенного цитатами из разных источников. При этом нельзя исключать, что всё это было сделано фальсификатором – он вместо автора дал название, написал предисловие и насытил текст нужными ему цитатами. Именно из-за схожести способа создания подлинных компиляций со способом их фабрикации в данной категории многие средневековые подделки дожили до наших дней, так и не будучи выявлены.

Помимо обычных компиляций фальсифицированию таким способом были наиболее подвержены частные письма и официальные документы. Ведь фальсификатору не нужно было придумывать для них названия и писать авторские предисловия. Эпистолярный жанр этого не предполагал, а документальный в каждую эпоху и при любой мусульманской династии имел свой жёсткий шаблон, которому оставалось только следовать. К тому же созданные в этих жанрах тексты по понятным причинам реже прочих попадали на книжный рынок и не требовали письменной верификации от автора (*иджаза*), т. е. были лишены барьера, хоть как-то защищавшего от подделок.

3. Преднамеренное редактирование содержания текста, когда достаточно внести или удалить отрицание, и смысл поменяется на противоположный, не говоря уже о более сложном интеллектуальном редактировании, о котором писал ал-Газали в случае с *ал-Мункиз мин ал-далал*

и *Мишкат ал-анвар*. Такие подделки напоминают пирог с неаутентичной начинкой. Сюда же примыкают случайные ошибки переписчиков.

Для выявления подделок, выполненных этим способом, иной раз вполне достаточно подготовить основанный на нескольких версиях критический текст, который даст возможность выявить неавторское редактирование.

Физические подделки

Вопрос о физических подделках рукописей не стал бы здесь предметом обсуждения, если бы не затронул два текста из этой серии: текст, представленный во Введении к первой книге этой серии, – частично, а один из двух текстов, планируемых к публикации в третьей книге, – непосредственно. Вот почему данный вопрос нельзя было обойти стороной.

Специфика любого поддельного манускрипта заключается в том, что он претендует не только на свою физическую уникальность (самый древний, автограф или копия с автографа, переписан известным каллиграфом и т. п.), но и *всегда представляет какую-то редакцию текста*. В этом главная научная проблема физических подделок. После публикации и обнародования текст «уникального» манускрипта, как более надёжный, начинает заметно влиять на характер дальнейших исследований, пока не выяснится, что рукопись, в которой он представлен, была сфабрикована.

Проблема физических подделок в иранской культурной традиции, в частности в манускриптологии, находится под пристальным вниманием прежде всего самих иранских учёных. Наиболее остро она встала к концу 50-х гг. XX в. Тогда несколько будто бы древних рукописей было куплено за большие деньги известными рукописными хранилищами в США, Европе и в самом Иране. После дополнительных экспертиз выяснилось, что рукописи были изготовлены в современных мастерских Ирана. Разразился скандал, в котором так или иначе оказались замешаны и пострадали известные иранские, западные и даже советские учёные. В результате разоблачений многих (но, очевидно, не всех) фальшивок также вскрылось, что вовлечённые в их изготовление лица активно занимались этим ремеслом на протяжении двадцати с лишним лет, т. е. приблизительно с начала Второй мировой войны.

Тогда в Иране возник повышенный спрос на антикварные рукописи. Здесь надо подчеркнуть прописной закон: бизнесу фальсификаторов не удалось бы достичь столь огромного размаха без рыночного спроса. Спрос подпитывали и коллекционеры, и научное сообщество. Оно ещё с конца XIX в. стало испытывать острую нехватку общедоступных средневековых текстов и нуждаться в их публикации. Рыночный спрос породил местных умельцев, которые профессионально удовлетворяли его как внутри страны, так и за её пределами вплоть до начала 60-х гг. XX в. Поначалу спрос был больше внутренним, очевидно, вызванным местны-

ми коллекционерами и потребностью наполнить ценными экземплярами рукописные фонды недавно открытых библиотек (например, Национальной библиотеки Ирана, 1316/1937 г.). Затем бизнес фальсификаторов расширился, они вышли за границы Ирана и начали удовлетворять уже внешний спрос на раритеты.

Представить масштаб бедствия, охватившего на тот момент международную иранистику в связи с физическими подделками, поможет приведённая ниже короткая критическая заметка Муджтаба Минуви (ум. 1355/1977), известного иранского специалиста в области текстологии и манускриптологии [29]. Поводом для её публикации послужило советское издание четверостиший 'Умара Хайяма (*Руба'ййат*). Насколько мне известно, эта заметка никогда не издавалась ни на русском, ни на английском языках, поэтому здесь она приводится полностью.

Заметка эксперта Муджтаба Минуви о количестве поддельных рукописей [30; 31]

«Критическая заметка по поводу печатной версии *Руба'ййат* ("Четверостиший") Хайяма, которая была издана в Советской России [32], предоставляет удобный случай написать и довести до всеобщего сведения несколько слов относительно копии, которая была издана в виде факсимиле вместе с этой публикацией.

В последние двадцать лет на продажу общественным библиотекам и частным лицам в разных городах был представлен ряд рукописей, которые были проданы за большие суммы под видом "древних манускриптов". У них есть даты и колофоны, указывающие на давность, но на самом деле они являются подделками и фальшивками, которые, получив известность, привели к обману группы лиц.

1. Копия *Андарз-нама* ("Книга с советами") Кай Кавуса, по поводу которой в журнале *Йагма* мною была опубликована статья под названием Капус-нама-йи Фрай [33]⁸.

2. Копия *Дивана* Катрана, "переписанного Анвари", по поводу которой господин доктор Махди Байани написал статью, опубликованную в журнале *Йагма* [34]⁹.

⁸ Полное название большой статьи с разоблачением подделки *Кабус-нама* – «*Кабус-нама* Фрая (упражнение в искусстве идентификации подделок)». Приняв подделку за подлинник, известный американский иранист Ричард Фрай (Richard N. Frye) написал о ней ряд статей, что и стало причиной такого названия публикации Минуви.

⁹ Имеется в виду *Диван* Абу Мансура Катрана Табризи (ум. 465/1072) и поддельный список части *Дивана*, переписанный якобы рукой Аухад ал-дина Анвари (ум. 585/1190), придворного поэта салджукидского султана Санджара. Автор указанной статьи – Махди Байани (ум. 1346/1967), основатель и директор Национальной библиотеки Ирана, подробно разбирает особенности этого «редкого списка», из которого приводит фото нескольких листов. Список был использован Мухаммадом Нахджавани (ум. 1341/1962) при подготовке и издании *Дивана* Катрана Табризи в 1333/1954 г.; на сайте: <https://archive.org/details/DivanEQatranTabreziFarsi> (In Persian).

3. Книга *ал-Хидайа ва-л-далала* (“Наставление на истинный путь и заблуждение”) – сочинение Сахиба Ибн ‘Аббада, опубликованное в виде отдельной *рисалы* господином Хусайном ‘Али Махфузом [35].

4. Копия *Руба‘ийат* Хайяма, датируемая 658 г. х. и принадлежащая библиотеке Chester Beatty. Господин профессор Арберри (Arthur J. Arberry) издал *Руба‘ийат* по этой копии [36].

5. Копия *Руба‘ийат* Хайяма, датируемая 604 г. х. и хранящаяся в библиотеке Университета Кембриджа (University of Cambridge). Вначале эта копия принадлежала покойному ‘Аббасу Икбалу Аштиани и была представлена на страницах журнала *Йадгар*. Фотокопия с неё, сопровождаемая французским переводом, была опубликована Пьером Паскалем (Pierre Pascal) [37], и фотокопия с неё же была опубликована в российском издании. Она также была использована в немецком переводе *Руба‘ийат* Хайяма, недавно вышедшем в Восточной Германии.

6. Копия *Руба‘ийат* Хайяма, принадлежащая библиотеке господина инженера ‘Аббаса Мазда и датируемая 654 г. х., полную фотокопию которой я видел.

7. Копия *Руба‘ийат* Хайяма, датируемая 619 г. х. и находящаяся у одного американского антиквара в Нью-Йорке, фотокопию листа которой я видел.

8. Копия *Дивана* Му‘иззи, которая была продана под видом “копии современника поэта” и увезена в США. Потом они пожаловались на то, что она оказалась подделкой.

9. Копия приписываемой Ибн Сине *Ми‘радж-нама* (“Книге о вознесении”), датируемая 584 г. х. и находящаяся среди книг доктора Махди Байани, факсимиле которой было им издано под заголовком “почерком Фахра Рази” [38].

10. *Ал-мунаджат ал-илахиййат ‘ан Амир ал-му‘минин* (“Божественные душевные беседы от Амира верующих”), которые были изданы Фахр ал-дином Насири офсетной печатью в 1340/1961 г.

К этому списку надо также добавить ещё три-четыре копии *Руба‘ийат* Хайяма, *Халас* Натанзи и кое-что другое, что приблизительно двадцать лет тому назад было продано в Национальную библиотеку и сейчас находится там. Каллиграф, переписавший эти копии или большинство из них (датируемые с 485 по 658 г. х.), – один человек, который всё ещё здравствует.

Все эти рукописи – продукт мастерской, которая функционирует в Тегеране уже двадцать лет. Один-два каллиграфа, один изготовитель бумаги, маклер и отвечавший за продажу антиквариата продавец управляли мастерской, сделав своим ремеслом надувательство группы доверчивых людей: разом заработали семьдесят тысяч долларов на одном американце, разом заработали пятьдесят тысяч туманов на Тегеранском университете, предложив ложь, подделку и изготовление бумаги. Если бы их не вывели на чистую воду, они так бы и продолжали воровать и мошенничать.

Мне не известно ничего о законах, связанных с подделкой такого рода документов. Я не знаю, может ли прокурор или частные обвинители привлечь к суду и наказать продавцов, переписчиков и изготовителей этих книг или нет. Но я знаю, что их деятельность обернётся огромным ущербом для иранской литературы. Она уже обернулась*. Органам культуры надо предпринять серьёзные меры, публично и открыто известить всех о поддельности данных книг и проследить за тем, чтобы впредь такого рода рукописи не покупались, а эта структура исчезла. Я не боюсь обнародовать без утайки имена нескольких фальсификаторов, обманщиков и мошенников, занимавшихся и занимающихся такого рода деятельностью¹⁰. Однако если после огромного скандала и суда в конце решат их оправдать, меня представить клеветником, а сфабрикованные ими книги между тем признать непричастными к наговору, то лучше пусть они так и останутся безымянными, а люди ознакомятся лишь с книгами.

Муджтаба Минуви

27 урдибихишт 1342 [= 18 апреля 1963 г.]

* Общество национальных памятников уже совершило ряд ошибок в эпитафиях на постаменте усыпальницы Хайяма. Его переадресовали к копии Хайяма, изданной в России. Вид и почерк указанных эпитафий похожи на вид и почерк большого формата в поддельной копии *Руба'ийат* Хайяма, датированной девятьсот каким-то годом хиджры и проданной за двадцать лет до этого Национальной библиотеке»¹¹.

Подробности возникновения и развития кризиса в связи с физическими подделками приведены в одном из писем Муджтаба Минуви. Впервые письмо было опубликовано в публицистическом журнале *Ханданиха* («Достойное чтение»), выходившем с перерывами с 1319/1940 по 1358/1979 г. Затем вырезки из этого журнала были обнаружены в личном архиве Мас'уда Фарзада (ум. 1981) – исследователя творчества Хафиза и Хайяма, литературоведа и переводчика. Архив, состоящий из материалов для исследования, писем коллег и дневниковых записей, был после смерти владельца найден в банковской ячейке филиала Национального банка Ирана в Ширазе. Кое-что из материалов было опубликовано в 1999 г., включая отрывок из письма Минуви.

Минуви написал своё открытое письмо после публикации вышеприведенной «Критической заметки» в ответ на обвинения одного из коллег в том, что именно из-за него иранские востоковеды понесли имиджевые потери, в частности в глазах советских иранистов, а также в том, что раз он сам поначалу признал первую подделку за подлинник, то сам же дол-

¹⁰ Имена организаторов этого семейного бизнеса уже были названы в статье Минуви [33, с. 456–457], но, по-видимому, его первое разоблачение никак не повредило фальсификаторам, которые также упомянуты в статье Франсиса Ришара (Francis Richard) [20].

¹¹ Персидский оригинал Заметки см.: [2, с. 28–29].

жен и возместить материальный ущерб Кембриджскому университету. Здесь не стоит обращать внимание на некоторые разночтения в датировке отдельных подделок по сравнению с «Критической заметкой», так как очевидно, что Минуви писал на тему, которая для него была эмоционально окрашенной, что иной раз приводит к неизбежным погрешностям:

«Вы затронули дело с копией *Руба‘ййат* Хайяма. Как Вы, должно быть, знаете, эта копия принадлежала покойному ‘Аббасу Икбалу. Она была подарена ему одним из его друзей (возможно, тем же, кто её изготовил и сфабриковал). Сам Икбал представил её в журнале *Йадгар*, а затем, приехав в командировку в Париж, при моём посредничестве предложил её покупателям в Лондоне. Не беря на себя никакой ответственности и не выступая гарантом её подлинности и аутентичности, я предоставил её покупателю, став посредником в доставке денег покойному Икбалу. Здесь надо дать пояснение: на тот момент я считал эту копию подлинной, древней и аутентичной. Но когда затем число такого рода копий увеличилось (Хайям, датируемый 613 г. х., – в Нью-Йорке; Хайям, датируемый 653 г. х., – у господина ‘Аббаса Мазда; Хайям, датируемый 658 г. х., – в библиотеке Chester Beatty; *Кабус-нама*, датируемая 483 г. х., и семнадцать-восемнадцать других копий – все написаны одним лицом и все вышли из одной мастерской), я убедился в том, что они поддельные.

Я открыто объявил об их сфабрикованности и поддельности в 1960 г. в Вашингтоне. В том же году на Конгрессе востоковедов в Москве я увидел, что господин Алиев опубликовал эту же копию Хайяма в виде факсимиле, издав на её основе наборный текст и русский перевод, поскольку посчитал её аутентичной и подлинной. Находясь там, в один из дней я на специальном заседании в течение двух часов сорока пяти минут рассказывал присутствовавшим там шестнадцати-семнадцати таджикским, российским и кавказским иранистам о копии Хайяма и прочих поддельных копиях, появившихся за последние двадцать с лишним лет на рынке и признанных рядом лиц, доказав с помощью зубодробительных аргументов и доводов, что эти копии нельзя брать за образец при публикации текстов. Одним из присутствовавших был тот самый господин профессор Алиев, который сейчас находится в Тегеране. Можно спросить у него.

Следовательно, первым, кто объявил о поддельности этой копии, был я. Благодаря статье, опубликованной мною по поводу поддельной копии известной *Кабус-нама*, было привлечено всеобщее внимание к данной мастерской по изготовлению копий. Если господин Алиев и сказал что-то по этому поводу, то он должен был сказать в таких выражениях: “Я считал эту копию [*Руба‘ййат* Хайяма] аутентичной, но один эксперт из Тегеранского университета рассеял моё заблуждение”.

После чего этот вопрос вновь обсуждался в журнале *Рахнама-йи китаб* (“Книжный путеводитель”), где я привел список из десяти-двенадца-

ти подделок, указав, что часть таких книг была куплена за серьёзную цену Министерством культуры, а другая – Университетом Тегерана [см. выше]...» [39, р. 192–193].

Здесь необходимо дать ряд исторических справок.

1. В августе 1960 г. в Москве проходил XXV Международный конгресс востоковедов.

2. Минуви принял за подлинник не только *Руба'йят* Хайяма, но и подделку *Кабус-нама* (об авторе см.: [40]), датированную 483/1090 г., иллюстрированную миниатюрами и упомянутую первым номером в его «Критической заметке». Это произошло ещё в 1950 г. Вот что пишет он сам:

«В 1950 г. я сам видел два листа из этой книги в Париже у покойного 'Аббаса Икбала Ашти'яни, который их привёз, чтобы продать в Европе. Он сказал, что копии принадлежат одному из его друзей, который просит за них пять тысяч фунтов стерлингов. Я видел эти два листа в течение каких-то десяти минут и, не удосужившись их как-то проанализировать, обманулся их внешним видом и ничуть не усомнился в их подлинности. Спустя несколько недель господин профессор Рубен Леви (Reuben Levy) сделал доклад в Обществе Ирана в Лондоне по поводу *Кабус-нама*. По завершении его выступления я открыто объявил о том, что найдена копия *Кабус-нама*, датируемая 483 г. х., и что будет правильно, если господин Леви положит её в основу своего издания» [33, р. 451]¹².

3. Позже Минуви уже засомневался в подлинности «древних» манускриптов, выращавших в Иране как грибы после дождя. В 1952 г. он открыто предупредил Ричарда Фрая (Richard N. Frye, ум. 2014), в то время относительно молодого американского ираниста с минимальным опытом работы в манускриптологии, о том, что не стоит приобретать рукописи у известной иранской семьи, с которой Минуви был лично знаком и о ремесле которой прекрасно знал.

«Но уж Фрай не должен обижаться ни на кого кроме себя. Потому что в 1952 и 1953 гг. – когда он в качестве гостя Университета Тегерана жил студентом в этом городе и, между прочим, искал редкие манускрипты – я предостерегал, отговаривал и предупреждал его воздержаться от рукописей, которые выходят из рук определённых людей и известной семьи, не дай бог, его обманут. Вместо того чтобы проявить бдительность, Фрай взял и в открытую передал мои слова тому самому лицу, от которого я предостерегал, поставив меня в трудное положение отвечать на его претензии. Спустя один-два месяца господин Фрай вернулся в Новый Свет с копией *Дивана* Му'иззи, за которую продавцы взяли с него значительную сумму» [33, р. 452].

¹² Спустя год текст был издан [см.: 41].

4. После того как богато иллюстрированная миниатюрами поддельная копия части *Дивана Му'иззи*, датированная 551 г. х., по совету Фрая была официально приобретена библиотекой Хьютон при Гарвардском университете (MS Typ 1016 at Houghton Library), там к 1954 г. завершили проведение экспертизы миниатюр и химсостава бумаги и чернил. Если по химсоставу бумаги эксперты не смогли вынести категорического вердикта, то миниатюры и использованная в рукописи голубая краска были определённо признаны поддельными [42, р. 87–91]¹³. Разрешение на вывоз копии было дано доктором Махди Байани (ум. 1346/1967), основателем и первым директором Национальной библиотеки Ирана, а по совместительству главой экспертного совета по ценностям при Министерстве культуры. Он уже в 1331/1952 г. знал наверняка, что эта рукопись поддельная, иначе не дал бы разрешения на вывоз, о чём сам написал Фраю в ответ на его письменную претензию:

«Знаете, если бы мы считали копию *Дивана Му'иззи* подлинной и древней, то не смогли бы дать разрешения на её вывоз. Вы не спросили у нас мнения о её подлинности или поддельности, а попросили только разрешения на её вывоз, которое мы и дали. Подлинник это или подделка – отвечать Вам самому» [33, р. 453].

5. Подделка *Кабус-нама* была продана фальсификаторами по частям и в 1953 г. уже контрабандно вывезена в США представителями двух покупателей. Одна часть оказалась в коллекции музея Цинциннати, вторая – у коллекционера Хагопа Кеворкяна (Hagor Kevorkian, ум. 1962) в Нью-Йорке. Ричард Фрай, ставший известным благодаря покупке «редкого» манускрипта для Гарварда, затем по заданию Кеворкяна совершил турне по странам Ближнего Востока в поисках антиквариата и опять заглянул в Иран в 1953 г. Именно поэтому Минуви поначалу ошибочно считал, что *Кабус-нама* контрабандно вывез сам Фрай.

6. В 1954–1955 гг. Вальтер Бруно Хеннинг (Walter Bruno Henning, ум. 1967), один из ведущих специалистов по доисламской истории Ирана (о нём см.: [43]) и учителей Минуви, выявил подделку *Кабус-нама* в ходе филологического анализа текста. Он написал Минуви письмо с полученными результатами, попросив того опубликовать их без упоминания его имени. Минуви так и поступил в известной статье – *Кабус-нама-йи Фрай*, взяв за основу письмо Хеннинга.

7. После многочисленных статей внутри Ирана, взаимных обвинений и оправданий, а также публикаций официальных документов в международном научном журнале *Нама-йи бахаристан* (نامه بهارستان) последние детали истории с покупкой фальшивки *Кабус-нама* и *Дивана Му'иззи* всплыли в мемуарах Фрая [44].

¹³ Подделку можно увидеть в открытом доступе на сайте указанной библиотеки: [https://iif.harvard.edu/manifests/view/drs:11328619\\$106i](https://iif.harvard.edu/manifests/view/drs:11328619$106i).

8. 'Аббас Икбал Аштиани, выдающийся историк и текстолог, скончавшись в Риме в феврале 1956 г. (о нём см.: [45]), не увидел ни первых, ни последующих разоблачений Минуви, но, возможно, был в курсе новостей из США. По-видимому, фальсификаторы использовали его в своих интересах без его ведома, так сказать – втёмную, для поиска покупателей за границей. Скорее всего, он так же, как Минуви, принял подаренную ему поддельную копию *Руба'ййат* Хайяма за подлинник, что говорит лишь о высоком уровне изготовления фальшивки.

9. Как на основе собственных наблюдений, так и с учётом доступных работ своих зарубежных коллег, иранскими учёными из Национальной библиотеки Ирана были проведены исследования по классификации основных внешних признаков физических подделок. Результаты исследований, сопровождаемые иллюстративным рядом, были совсем недавно опубликованы [46, р. 265–291]. Увы, отдельные внешние признаки подделок, перечисленные в исследовании, на сегодня уже не могут служить бесспорными доказательствами для их идентификации, хотя вполне в состоянии привлечь к себе внимание и перевести рукопись в разряд сомнительных.

Особенности работы мастерской по изготовлению подделок

Приведённые сухие факты дают возможность отметить некоторые детали бизнеса фальсификаторов средневековых рукописей середины XX в.

Репертуар. Каллиграфы этой команды более уверенно чувствовали себя, подделывая рукописи в основном персоязычных сочинений периода правления Великих Салджуков (431–552/1040–1157): *Кабус-нама*, переписанная якобы в 483/1090 г., *Руба'ййат* Хайяма (ум. 510/1131), часть *Дивана* Му'иззи (ум. между 518/1124 и 522/1128), часть *Дивана* Катрана Табризи (ум. 465/1072), переписанная якобы рукой Аухад ал-дина Анвари (ум. 585/1190), *ал-Халас* Адиба Натанзи (ум. 497/1103 или 499/1105) [47]. Они очевидно предпочитали эпоху Салджукидов из-за высокой стоимости сочинений этой эпохи на книжном рынке, что отнюдь не исключает отклонений в ту или иную сторону. Даты переписки сочинений в обнаруженных подделках охватывают период чуть менее двух веков – с 483/1090 по 658/1259-60 г.

Распространение. Три особенности распространения готовой продукции просматриваются наиболее отчётливо:

- сфабрикованную копию могли продать как целиком, так и по частям;
- основными клиентами как внутри страны, так и за её пределами, были частные коллекционеры и рукописные хранилища;
- с начала 1950-х гг., когда бизнес мастерской вышел на международный уровень, фальсификаторы стали прибегать к конспирации, при которой о продукции мастерской стали первыми узнавать иностранцы, а не иранские учёные.

Факт продажи рукописи по частям, а также ссылки Минуви на отдельные листы рукописей, которые он видел сам, говорят о том, что у подделок не было подлинных переплётów, которые соответствовали бы датам переписки, указанным в тексте. Иными словами, эти подделки, по-видимому, либо представляли собой набор отдельных листов или тетрадей, либо имели переплёт, сделанный самими фальсификаторами. Отсутствие подлинных переплётów в какой-то мере можно считать отличительной особенностью работы мастерской по изготовлению физических подделок.

Открытые вопросы. На каком основании и кем принималось решение об изготовлении той или иной подделки? Изучался ли при этом спрос, потенциальные жертвы и их предпочтения? Кто ещё был вовлечён в бизнес фальсификаторов помимо лиц, непосредственно участвовавших в изготовлении подделок? Ведь все они представляли собой образованную элиту тогдашнего иранского общества, прекрасно знали друг друга, организовывались в разные ассоциации, входили в администрации государственных организаций и национальных библиотек. Ну и главный вопрос: сколько всего подделок было изготовлено? Ведь никто из фальсификаторов *никогда* (!) не предоставлял полный список всех фальшивок, сфабрикованных ими более чем за 20 лет – с конца 30-х до начала 60-х гг. XX в. А судя по всему, производительность у них была довольно неплохая.

Возникновение копии *Сийар ал-мулук* из коллекции Нахджавани

Копия *Сийар ал-мулук* из коллекции Нахджавани возникает в промежутке максимум между 1334/1955 г. и 1337/1958 г. Первая дата – это время выхода в Иране третьего издания *Сийар ал-мулук* без учёта этой копии, о которой до того и в течение шести-семи лет после того никто не знал. Вторая дата – это время передачи Мухаммадом Нахджавани своей коллекции рукописей и книг в конце апреля 1958 г. в недавно созданную Национальную библиотеку Табриза. Именно в период между этими датами копия попадает в собрание Мухаммада Нахджавани – за год до публикации Минуви «*Капус-нама* Фрая» (1956) и за пять лет до выхода его «Критической заметки» (1963).

Обнаружение новой копии в разгар скандала с физическими подделками само по себе ещё ни о чём не говорит. Ничего не доказывает и то, что о её существовании первым стало известно иностранцу, а не иранским специалистам, ранее издававшим *Сийар ал-мулук*, включая Муджтаба Минуви. Несмотря на то что здесь напрашиваются аналогии с *Диваном Му'иззи* и *Кабус-нама*, о существовании «самых старых» копий которых иранские специалисты узнавали лишь после того, как те полностью или частично оказывались за границей, тем не менее всё это могло оказаться простым совпадением. Но в сочетании с фактами, приведёнными во Введении к первой книге этой серии, физическая подлинность данной рукописи вызывает очень серьёзные сомнения.

Способы идентификации подделок

Современные способы идентификации подделок ушли далеко вперёд по сравнению с теми, что применялись в XX в. Поэтому визуальные признаки подделки уже давно не являются окончательным доказательством при её идентификации. Экспертная оценка «на глазок» уже никого не устроит и не убедит. У одного эксперта опыта больше, у другого – меньше. Как уже было показано выше, мнения экспертов могут быть диаметрально противоположными. Чтобы максимально исключить человеческий фактор, сегодня сомнительные артефакты письменной традиции исследуются в нескольких направлениях.

1. Комплексный источниковедческий анализ, который проводится на основе многих дисциплин. Какие-то из них выделились в самостоятельные области научного анализа. Другие обрели цифровую форму в связи с развитием цифровых гуманитарных наук (*the digital humanities*, DH). Общий принцип, заложенный в основу этих наук, – перевод в цифру всего, что можно в неё перевести, и создание репрезентативной базы данных. А общий алгоритм – сравнение разнородной статистики в результате обработки огромного массива данных. Подготовка базы данных для машинного анализа и получения искомой статистики – самая трудоёмкая часть работы в любой отрасли DH.

На сегодня фактически завершён этап размещения на профильных сайтах в сканированном виде (PDF) арабографичных текстов, опубликованных в доцифровую эпоху (XX в.). Успешно решается технический вопрос их оптического распознавания и перевода в полноценную цифру (OCR) – создаётся необходимая база данных. Иными словами, многотысячный корпус средневековых арабографичных сочинений обретает новую жизнь, на сей раз в цифровом виде. Все эти процессы чем-то напоминают короткий переходный период от литографированных изданий (XIX – начало XX в.) к наборной печати. Сегодня мы наблюдаем очередную и динамичную смену носителя информации с отчётливо просматриваемой тенденцией к увеличению её доступности: память → рукопись → литография → наборная книга → оцифрованный текст → ...

Хорошая база данных из оцифрованных текстов в формате, пригодном для поисковых систем (*searchable*), уже позволяет проводить разного рода источниковедческие исследования – сравнение текстов и поиск общих мест, поиск одних и тех же лиц, топонимов и терминов в разных текстах и т. д. – в рекордно короткие сроки [48]. Такая работа и раньше проводилась при анализе письменных источников. Это и перечни книг, которыми пользовался автор, с цитированием общих мест, и указатели к тексту, и конкордансы, и разного рода специализированные словари, ограниченные каким-то временем, школой или даже автором, и т. д. Но неоспоримое преимущество машинного сравнения – скорость обработки огромного объёма загруженных данных. Скажем, *Частотный словарь*

Унсури (1970) составлялся его автором, М.-Н. Османовым (ум. 2015), не один год. Сегодня при наличии всех оцифрованных текстов газнавидского придворного поэта Абу-л-Касима Унсури (ум. 431/1039) тот же словарь можно получить за пару часов работы. Разница очевидна.

Программы, разработанные для оцифровки ранее отсканированных печатных текстов, затем, возможно, будут как-то адаптированы и для оптического распознавания средневековых рукописных текстов. Хотя пока приходится только мечтать о каких-то прорывах в распознавании и переводе в цифру нескольких тысяч арабографичных сочинений, до сих пор не опубликованных и переписанных в своё время на разных языках и разными почерками. Единичные случаи применения компьютерной графологии по трём-пяти графическим маркерам индивидуального почерка здесь не в счёт.

2. Самостоятельной областью источниковедения, или, скорее, уже кодикологии, стал всесторонний технологический анализ материального носителя текста, т. е. в первую очередь бумаги: толщина листов; их цветовые характеристики; рельеф; длина волокна и т. п. Весьма успешно работает созданная почти 60 лет назад Международная ассоциация историков бумаги – IPH (International Association of Paper Historians)¹⁴, члены которой регулярно публикуют впечатляющие результаты последних достижений, в том числе и новые методы датировки бумаги¹⁵.

Применительно к физическим подделкам, созданным в Иране в середине XX в., это означает, что с помощью технологического анализа можно сравнить бумагу ранее идентифицированных подделок, которые до сих пор находятся в перечисленных выше хранилищах рукописей, с бумагой копий, чья подлинность вызывает сомнения. Ведь в данном случае фальшивки изготавливались, по-видимому, всё-таки в одной мастерской, где бумага всегда производилась по одной и той же технологии из одних и тех же компонентов.

Кроме писчего материала технологическому анализу и цифровой графологии можно подвергнуть и почерк сомнительной рукописи, если есть возможность сравнить полученные результаты с неким эталоном, например, с образцом автографа. Но число дошедших до нас средневековых автографов куда меньше числа рукописей, переписанных тысячами никому не известных переписчиков.

3. Традиционная текстология, которая тоже трансформируется в цифровую. На основе имеющейся базы оцифрованных и пригодных для поиска текстов уже сейчас возникают направления ДН, ставящие своей целью их разносторонний машинный анализ. Это, так сказать, компьютерная диагностика текста, которая чем-то напоминает компьютерную

¹⁴ На сайте: <http://www.paperhistory.org/index.php>.

¹⁵ Общий обзор проблематики и методов см.: [49].

томографию физических органов. Она не только позволит, но и потребует выйти на качественно новый уровень критического отношения к текстам конкретных авторов, не доверяя слепо тому, что дошло до нас под их авторством. При этом уже сейчас видны и пределы применения такой диагностики.

Стилеметрия (Stylometry)

Стилеметрия – одно из направлений компьютерной диагностики текста. Различные виды программного обеспечения для стилиметрии, создаваемые в разных странах, работают с авторским сигналом (*authorial signal*), или авторским отпечатком (*fingerprint*). Он обнаруживается путём измерения наиболее частотных слов (*the most frequent words*, MFW), сочетаний двух и более слов и прочих маркеров, пригодных для машинной обработки и получения искомой статистики. Применительно к идентификации подделок это означает, что сначала программу обучают выявлять опорные признаки в аутентичном тексте (текстах). Затем ей остается только сопоставить выявленные опорные признаки с теми же признаками в сомнительном тексте. Для машинной обработки язык, шрифт и направление текста (справа налево или наоборот) не играют абсолютно никакой роли.

Однако уже сейчас очевидны объективные границы применения компьютерной стилиметрии. Её основной недостаток – довольно значительное количество MFW, необходимых для выявления авторского сигнала и получения надёжного результата. Начиная с некоего минимума, их количество должно быть как можно больше и они не должны быть стилистически нейтральными.

Результаты компьютерной диагностики французской поэмы XIII в. *Roman de la Rose*, представленные, например, в статье М. Эдера (Maciej Eder) [50, р. 457–469], показывают, что стилиметрия может успешно применяться для идентификации средневековых подделок в поэзии, но – только там, где количество MFW будет достаточным для этого. Поэма была написана двумя авторами совместно. Второй автор (Jean de Meun) добавил свою часть к стихам первого автора (Guillaume de Lorris), и оба стиля были отчётливо выявлены стилиметрией. Иначе говоря, можно ожидать, что научно-литературные подделки, выполненные первым способом, т. е. с добавлением объёмного неаутентичного текста в конец аутентичного – двуслойный пирог, будут также идентифицироваться стилиметрией.

Примером анализа многослойных подделок может служить стилиметрия *Queen Sophia's Bible*. По её результатам, приведённым в той же статье, М. Эдер характеризует книгу как «многогранную совместную работу, в которой сильно смешаны сигналы переводчиков, авторов и переписчиков» (*multifaceted collaborative work, in which the translatorial,*

authorial, and scribal signals are heavily mixed). Стилеметрия отразила работу пяти переводчиков, имевших свои стилистические маркеры.

Правда, здесь есть одно критичное «но». Все тексты, взятые М. Эдером для компьютерной диагностики, объёмны – большая поэма, перевод Библии. В них у авторов или переводчиков было достаточно места себя проявить и индивидуально наследить. Если же объектом машинной диагностики становится многослойный текст даже новаторского сочинения-*таснифа* (не говоря уже о компиляции-*та’лифе*), в котором соотносятся синтез и анализ, то стилеметрия такого текста при поиске авторского отпечатка даст ошибочный результат. Допустим, две трети объёма *таснифа* – это сумма небольших цитат, взятых в качестве иллюстративно-доказательной базы из разных источников. А в каждой цитате есть свои собственные стилевые признаки. Например, цитаты из Корана имеют свой стиль, высказывания Пророка Мухаммада – свой, высказывания каждого из его сподвижников – свой и т. д. И лишь оставшаяся треть, а то и меньше – это оригинальные выводы автора с его неповторимым авторским стилем. Завершающий череду цитат, а тем более расположенный среди них авторский отпечаток для машинного анализа в результате практически ничем не будет отличаться от очередной цитаты. Те же самые сложности с нехваткой авторского объёма возникнут, по-видимому, и при стилеметрии коротких четверостиший, приписанных Хаййаму.

Тем не менее в первой из книг анонсируемой серии предложен метод стилеметрии относительно объёмных неатрибутированных касид средневековых персидских поэтов. Апробация этого метода на примере анонимной касиды, являющейся неотъемлемой частью *Суйар ал-мулук*, была любезно проведена Иоанной Бышук (Joanna Byszuk) из Института польского языка (Instytut Języka Polskiego, PAN, Kraków) с использованием программного обеспечения (R-stylo), разработанного М. Эдером, и с предоставлением официального Экспертного заключения (Stylometry Expertise Conclusion) [2, с. 176–178].

Общее оформление серии

Каждый из текстов, включённых в серию, имеет своё аналитическое введение к переводу, где рассматривается максимально широкий круг связанных с ним вопросов с акцентом на анализе его целевой аудитории. Переводы сопровождаются текстами персидских оригиналов в конце каждой книги перед указателями и библиографией.

С целью унификации при оформлении справочно-библиографического аппарата и транслитерации все книги этой серии следуют *The Chicago Manual of Style* («Чикагскому руководству по стилю»)¹⁶, давно разработанному и принятому за основу большинством зарубежных вос-

¹⁶ См.: <https://www.chicagomanualofstyle.org/home.html>.

токоведных издательств. Предпочтение при оформлении, отданное этому руководству, обосновывается простотой и ясностью выработанных правил. Здесь эти правила выглядят так.

1. Арабографичные имена собственные, топонимы и оригинальные термины приводятся:

а) в упрощённой сильной транслитерации, т. е. с использованием только трёх гласных арабского алфавита (за крайне редким исключением), соответствующих в написании трем огласовкам: *фатха* «а», *касра* «и», *дамма* «у» и их дифтонгам: «*ай*», «*ий*», «*уй*», и двух дополнительных знаков для передачи арабо-персидской буквы *‘айн* и *хамзы*; на мой взгляд, транслитерация с использованием многочисленных диакритических знаков мало что даёт читателю, не владеющему арабским или персидским языками, кроме визуализации набора каких-то непонятных слов, а специалист и в упрощённой транслитерации может понять, что они означают, тем более имея перед глазами оригинал;

б) без ассимиляции в арабском определённом артикле;

в) без мягкого знака.

Всё это позволяет избежать смешения транслитерации с транскрипцией.

Поскольку в основе перевода лежат арабографичные тексты, в которых для передачи гласных используются только указанные огласовки, то под эту транслитерацию подпадают также тюркские имена собственные. Их транслитерация во всех книгах серии иной раз может отличаться от общепринятого в русскоязычных публикациях (например, Сельджуки → Салджуки, Туркан / Теркен-хатун → Таркан-хатун и т. п.) и основывается на огласовках, которые приведены в персидском толковом словаре (онлайн) *Лугат-нама* ‘Али Акбара Диххуда (ум. 1334/1956) [51], иранского Владимира Даля (ум. 1872). Логика проста: средневековые авторы транслитерировали произношение исконно тюркских имён арабским шрифтом, не вполне приспособленным для передачи всех фонетических особенностей тюркского языка. Но на сегодня в качестве оригиналов выступают именно арабографичные тексты, а не какие-то тюркские рунические памятники, где эти имена могли быть записаны как-то иначе.

Такой подход к русскоязычной передаче тюркских имён собственных, записанных арабской графикой, пусть даже в частично искажённом виде, выглядит, по-моему, более обоснованным и последовательным, нежели передача их на письме через «восстановленную» транскрипцию в кириллице, т. е. письменная фиксация по-русски того, как они, возможно, произносились тюрками более 900 лет тому назад, или того, как они произносятся сейчас.

Во избежание похожего анахронизма во всех текстах даются полные формулы евлогий и благопожеланий, приводимые авторами после упоминания имён пророков, имамов и известных мусульманских лиц, а не их

сокращения до малопонятных широкому читателю аббревиатур, как это делается в некоторых современных мусульманских изданиях.

2. Ссылки на источники и исследования в постраничных примечаниях даются при первом упоминании в развёрнутом виде, далее – в сокращённом. Курсивом в библиографии и ссылках выделяются названия монографий и сборников, а не фамилии их авторов. При этом ссылки на арабоязычные публикации приводятся в латинской транслитерации, чтобы избежать смешения их с опубликованными русскими переводами одноимённых текстов.

Предпочтение при ссылках на справочно-энциклопедическую литературу отдаётся изданиям, размещённым в сети в открытом доступе без всякой регистрации или с минимальной формальной регистрацией. То же самое относится к ссылкам на специализированные сайты, где выложены оцифрованные печатные издания или только сетевые версии публикаций (указания на наличие сетевых публикаций даны в примечаниях, а полные онлайн ссылки на них приведены в Библиографии). Их доступность позволяет оперативно проверить и уточнить представленную информацию, а также увидеть список использованных источников и исследований.

Доступность, оперативная проверка и критическая оценка стали на сегодня основными критериями предоставления информации. Чтобы отвечать этим критериям, цитаты из источников и исследований, включённые в аналитические введения к текстам этой серии, приводятся как в переводе, так и в оригинальном виде.

3. Все интерполяции в текстах взяты в квадратные скобки, включая ссылки на Коран. Курсивом выделяются все арабские изречения, восточные слова и термины, а также стихи и коранические цитаты.

4. К переводам прилагаются персидские оригиналы. Они дают читателю возможность при желании предложить свой собственный вариант перевода, не ограничиваясь публикуемым в серии. Каким бы хорошим ни казался перевод, он позволяет лишь приблизиться к оригиналу, ни в коем случае не заменяя его, разумеется, если оригинал до нас дошёл. При этом, как показывает многовековая востоковедная практика, со временем устаревает всё: научные подходы, результаты исследований и даже переводы, срок жизни которых, правда, чуть больше. Не устаревают только тексты оригиналов – источники, оставаясь неизменными в том виде, в каком были созданы их авторами сотни лет назад.

Литература

(все онлайн-ссылки активны на 27.05.2020)

1. Khismatulina A. A. The Persian Mirrors for Princes Written in the Saljuq Period: The Book Series. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2019;11(3):321–344. Available at: <https://aasjournal.spbu.ru/issue/view/422>

2. Хисматулин А. *Амир Му'иззи Нишапури. Сийасат-нама / Сийар ал-мулук («Книга о правлении» / «Жития владык»): подделка, приписанная Низам ал-мулку* СПб.: Петербургское востоковедение; М.: Садра; 2020. Серия «Назидательная литература эпохи Салджукидов на персидском языке: Оригиналы и подделки» (I).

3. Daftary, Farhad. Hasan Sabbah. In: *Encyclopædia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/hasan-sabbah>

4. 'Abd al-Jalil Qazwini Razi. *Naqd (Ba'd mathalib al-nawasib fi-naqd "Ba'd fada'ih al-rawafid")*. Ed. Mir Jalal al-Din Hussaini Urmawi Muhaddith. Tehran; 1358/1979 (In Persian).

5. Torkamany Azar, Parvin. Saljuqiyan: Ikhtilafat-i madhhabi wa payamadha-yi an. *Pazhuhish-nama-yi 'ulum-i insani*. 1385/2006;(51):53–74. Available at: <http://ensani.ir/fa/article/144047/سلجوقیان-اختلافات-مذهبی-و-پیامدهای-آن> (In Persian).

6. Shaked S., Safa Z. *Andarz* and *andarz* literature in pre-Islamic Iran; *Andarz* literature in New Persian. In: *Encyclopædia Iranica*, II/1. P. 11–22. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/andarz-precept-instruction-advice>

7. Заходера Б. Н. (пер.) *Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-мулька*. М.; Л.: Изд-во АН СССР; 1949.

8. Davarpanah, Hormoz. Mo'ezzi Nišāburi. In: *Encyclopædia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/moezzi-nisaburi>

9. Durand-Guédy, David. Malekšah. In: *Encyclopædia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/maleksah>

10. Nizam al-Mulk. *Siyar al-muluk*. 2nd ed. H. Darke. Tehran: Bungalow-i tarjuma wa nashr-i kitab; 1347/1968 (In Persian).

11. Ra'isniya, Rahim. Wajhi az wujuh-i ahwal wa athar-i Hajj Muhammad agha Nakhjawani. In: *Ba qafila-yi shawq: Arj-nama-yi duktur-i Muhammad 'Ali Muwahhid*, Tehran: Sutude; 2014. P. 537–554. Available at: <http://www.mirasmaktoob.ir/sites/default/files/archive/pdf/raeesnia-rahim.pdf> (In Persian).

12. Хисматулин А. *Сочинения имама ал-Газали* СПб.: Петербургское востоковедение; М.: Садра; 2017. Серия: Назидательная литература эпохи Салджукидов на персидском языке: Оригиналы и подделки (II).

13. Turan, Osman. Selçuk Türkiye'si Din Tarihine Dair Bir Kaynak: *Fustatü'l-adale fi kavaidü's-saltana*. In: *60. Doğum Yılı Münasebetiyle Fuad Köprülü Armağanı*. İstanbul: Osman Yalçın Matbaası, 1953. P. 531–564; 2nded. Ankara: Türk Tarih Kurumu; 2010. (In Turkish).

14. De Nicola, Bruno. The *Fustat al-Adala*: A Unique Manuscript on the Religious Landscape of Medieval Anatolia. In: Peacock A.C.S., Sara Nur Yıldız (eds) *Islamic Literature and Intellectual Life in Fourteenth- and Fifteenth-Century Anatolia*. Würzburg: Ergon Verlag; 2016. P. 49–72. Available at: <https://goldsmiths.academia.edu/BrunoDeNicola>

15. Лихачев Д. С. (при участии Алексеева А. А., Боброва А. Г.) *Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.)*. СПб.: Алетейя; 2001. Режим доступа: <http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/textologia/0070.pdf>

16. Петров А. Е., Шнирельман В. А. Введение. В: Петров А. Е., Шнирельман В. А. (ред.) *Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов*. М.: ИА РАН, 2011. С. 5–14. Режим доступа: http://static.iea.ras.ru/books/falysifikatsiya_istorichyeskikh_istochnikov.pdf

17. Al-Suyuti, ‘Abd al-Rahman. *Tadrib al-Rawi fi-Sharh Taqrib al-Nawawi*, ed. Abu Qutayba al-Faryabi, Beirut: Maktabat al-Kawthar, 1415 AH. Available at: <https://ia802304.us.archive.org/20/items/waq21470/21470.pdf> (In Arabic)

18. Observations Mirza Alexandre Kazem-Beg, professeur de langues orientales a l’université de Cazan, sur le Chapitre inconnu du Coran, publié et traduit par M. Garcin de Tassy. *Journale Asiatique*. IVème série, ii. 1843:373–429. Available at: <http://visualiseur.bnf.fr/CadresFenetre?O=NUMM-93142&I=438&M=tdm>

19. Баконина, М. С. *Любимый поэт президента*. Режим доступа: <http://www.fontanka.ru/2007/06/19/053/>

20. Soudavar, Abolala. Forgeries i. Introduction; Oscar White, Muscarella. Forgeries ii. Of pre-Islamic art; Sheila, Blair. Forgeries iii. Of Islamic art; Richard, Francis. Forgeries iv. Of Islamic manuscripts. In: *Encyclopædia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/forgeries-i>

21. Tor, Deborah. Sanjar, Ahmad b. Malikšah. In: *Encyclopædia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/sanjar>

22. Abu’l-Hasan ‘Ali al-Hujwiri; Zhukovskiy V. (ed.) *Kashf al-mahjub*. Leningrad; 1929. (In Persian).

23. Jalal al-Din al-Suyuti. *Al-Fariq bayna’l-musannif wa’l-sariq*, ed. Hilal Naji. Beirut; 1998. (In Arabic).

24. Хисматулин А. Средневековый *та’лиф*: текстологический анализ и перевод *Рисала-йи абдалиа* Йа’куба Чархи. В: Аликберов А. К., Пиотровский М. Б. (ред.) *Ars Islamica*. М.: Восточная литература; 2016. С. 392–436. Режим доступа: <http://orientalstudies.academia.edu/AlexeyKhismatulin>

25. Rosenthal, Fr. The Technique and Approach of Muslim Scholarship. *Analecta Orientalia*. 1947;24:1–74. Available at: <https://archive.org/details/TheTechniqueAndApproachOfMuslimScholarship/mode/2up>

26. Хисматулин А. Имам ал-Газали и виды научного творчества. *Ирано-Славика*. 2007;(1–2):41–49.

27. Хисматулин А. Виды мусульманской научной литературы в X–XV вв.: сочинения (*масниф*) и компиляции (*та’лиф*). В: Резван М. Е. (ред.) *Рахмат-наме. Сб. статей в честь 70-летия Р. Р. Рахимова*. СПб.: МАЭ РАН; 2008. С. 410–443. Режим доступа: http://lib.kunstkamera.ru/rubrikator/03/03_03/978-5-55431-158-9

28. Khismatulin A. Islamic Education Reflected in the Forms of Medieval Scholarly Literature: *Jam’*, *Tā’lif*, and *Tasnif* in Classical Islam. In: Günther S. (ed.) *Knowledge and Education in Classical Islam*. Leiden, Boston: Brill; 2020. P. 475–487. Available at: <http://orientalstudies.academia.edu/AlexeyKhismatulin>

29. Omidsalar, Mahmoud. Minovi, Mojtaba. In: *Encyclopædia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/minovi-mojtaba>

30. Minuwi M. Yaddashti az ustad-i Mujtaba Minuwi dar bara-yi tī’dadi az nuskhaha-yi ja’ali, *Rahnama-yi kitab*. 1342/1963;2(6): 238–240. (In Persian).

31. Minuwi M. Yaddashti az ustad-i Mujtaba Minuwi dar bara-yi tī’dadi az nuskhaha-yi ja’ali. *Nama-yi Baharistan*. 1381/2002;(5):191–192. Available at: <http://www.ensani.ir/fa/content/259990/default.aspx> (In Persian).

32. ‘Омар Хаййам. *Руба’ййат*. Пер. и предисл. Р. М. Алиева и М.-Н. Османова; под ред. Е. Э. Бертельса. М.: Восточная литература; 1959.

33. Minuwi, M. Kapus-nama-yi Frai (tamrini dar fann-i tazwirshinasi), *Yaghma* 1335/1956;9:449–465+481–495. Available at: <http://rasekhoon.net/article/show/902513/> (In Persian).

34. Bayani, Mahdi. Diwan-i Qatran-i Tabrizi ba khatt-i Anvari Abiwardi. *Yaghma* 1329/1950;11(3):461–474. Available at: <http://www.ensani.ir/fa/content/278733/default.aspx> (In Persian).

35. Ibn 'Abbad, Sahib. *Al-risala fi'l-hidaya wa'l-dalala*, ed. Husayn 'Ali Mahfuz, Muham-mad Muwaqqar, Tehran, Anjuman-i farhangi-yi mihr, 1374 AH/1955 AD. (In Persian).

36. Omar Khayyam. *A New Version Based upon Recent Discoveries*, ed. A. J. Arberry. London: J. Murray; 1952.

37. Omar Khayyam. *Les Robaiyyat d'Omar Khayyam de Neyshaboor*, pour la première fois, traduits en vers français par Pierre Pascal d'après les plus anciens manuscrits. Roma: Éditions du Coeur Fidèle; 1958.

38. Ibn Sina, Abu 'Ali Husayn b. 'Abd Allah. *Mi'raj-nama ba khatt-i Imam-i Fakhr-i Razi*; chap-i 'aksi ba kushish-i Mahdi Bayani. Tehran: Anjuman-i dustdaran-i kitab; 1331/1952. (In Persian).

39. Rastgar Fasayi, Mansur. Khayyam, Farzad wa nuskha-yi ja'li-yi Ruba'yyat. *Farhang*. 1378/1999;29–32:181–202. Available at: <http://www.ensani.ir/fa/content/266314/default.aspx> (In Persian).

40. de Bruijn J.T.P. Kaykavus b. Eskandar. In: *Encyclopædia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/kaykavus-onsor-maali>

41. 'Unsur al-Ma'ali Kaika'us Ibn Iskandar Ibn Qabus. *The Nasihat-Nama known as Qabus-Nama*, ed. Reuben Levy. London: Luzac; 1951 (GMS, N.S. 18).

42. Mujarrad, Mujtaba. Piramun-i nuskha-yi maj'ul wa musawwar-i Diwan-i Amir-i Mu'izzi dar Danishgah-i Harvard. *Guzarish-i mirath*. 1391/2012;5–6(6):87–91. Available at: <http://www.mirasmaktoob.ir/fa/system/files/nashriat/GM-54&55-Mojarad-Noskhe-p87.pdf> (In Persian).

43. Sundermann, Werner. Henning, Walter Bruno. In: *Encyclopædia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/henning-walter-bruno>

44. Frye R. N. *Greater Iran: A 20th-century Odyssey*, Costa Mesa, Calif.: Mazda; 2005.

45. Afšar, Iraj. Eqbal Aštiani 'Abbas. In: *Encyclopædia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/eqbal-astiani>

46. 'Azimi Habibollah, Hashemi-e Asl Helya. Barrasi-yi anwa'-i ja'l wa tazwir dar nuskaha-yi khatti ba istinad ba namunaha-yi az an. *Ayina-yi Mirath*. 1394/2015;(56):265–291. Available at: http://www.am-journal.ir/article_46428.html (In Persian).

47. Monzawi 'A. N. Adib Natanzi. In: *Encyclopædia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/adib-natanzi-badi-al-zaman-abu-abdallah-hosayn-b>

48. Romanov M. Digital Age, Digital Methods. В: Аликберов А. К., Пиотровский М. Б. (ред.) *Ars Islamica*. М.: Восточная литература; 2016. P. 129–156.

49. Балаченкова, А. П., Цыпкин, Д. О. Возможности технологического анализа исторических бумаг в источниковедческом исследовании памятников. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История* 2017;62(2):375–399. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.213.

50. Eder M. Rolling Stylometry. *Digital Scholarship Humanities*. 2016;31(3):457–469. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/440b/2dde1b6600fb1354206c409f588dc6f72032.pdf>

51. Sa'idi Sirjani 'A.-A. Dehkoda, Mirza 'Ali-Akbar Qazvini. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/dehkoda>

References

1. Khisमतulin A. A. The Persian Mirrors for Princes Written in the Saljuq Period: The Book Series. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2019;11(3):321–344. Available at: <https://aasjournal.spbu.ru/issue/view/422>

2. Khisमतulin A. *Amir Mu'izzi Nishapuri. The Siyasat-nama/Siyar al-muluk: A Fabrication Ascribed To Nizam al-Mulk*. St Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie; Moscow: Sadra; 2020. (In Russ.)

3. Daftary, Farhad. Hasan Sabbah. In: *Encyclopædia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/hasan-sabbah>

4. 'Abd al-Jalil Qazwini Razi. *Naqd (Ba'd mathalib al-nawasib fi-naqd "Ba'd fada'ih al-rawafid")*. Ed. Mir Jalal al-Din Hussaini Urmawi Muhaddith. Tehran; 1358/1979 (In Persian).

5. Torkamany Azar, Parvin. Saljuqiyan: Ikhtilafat-i madhhabi wa payamadha-yi an. *Pazhuhish-nama-yi 'ulum-i insani*. 1385/2006;(51):53–74. Available at: <http://ensani.ir/fa/article/144047/سلجوقیان-اختلافات-مذهبی-و-پیامدهای-آن> (In Persian).

6. Shaked S., Safa Z. *Andarz and andarz literature in pre-Islamic Iran; Andarz literature in New Persian*. In: *Encyclopædia Iranica*, II/1, pp. 11–22. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/andarz-precept-instruction-advice>

7. Zakhoder B. N. (transl.) *Siaset-name. The book on the rule of the 11th century wazir Nizam al-Mulk*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences; 1949. (In Russ.)

8. Davarpanah, Hormoz. Mo'ezzi Nišāburi. In: *Encyclopædia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/moezzi-nisaburi>

9. Durand-Guédy, David. Malekšāh. In: *Encyclopædia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/maleksah>

10. Nizam al-Mulk. *Siyar al-muluk*. 2nd ed. H. Darke. Tehran: Bungah-i tarjuma wa nashr-i kitab; 1347/1968 (In Persian).

11. Ra'isniya, Rahim. Wajhi az wujuh-i ahwal wa athar-i Hajj Muhammad agha Nakhjawani. In: *Ba qafila-yi shawq: Arj-nama-yi duktur-i Muhammad 'Ali Muwahhid*, Tehran: Sutude; 2014, pp. 537–554. Available at: <http://www.mirasmaktoob.ir/sites/default/files/archive/pdf/raeesnia-rahim.pdf> (In Persian).

12. Khisमतulin A. *The Writings of Imam al-Ghazali*. St Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie; Moscow: Sadra; 2017. (In Russ.)

13. Turan, Osman. Selçuk Türkiye'si Din Tarihine Dair Bir Kaynak: *Fustatü'l-adale fi kavaidü's-saltana*. In: *60. Doğum Yılı Münasebetiyle Fuad Köprülü Armağanı*. İstanbul: Osman Yalçın Matbaası, 1953, pp. 531–564; 2nd ed. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2010. (In Turkish).

14. De Nicola, Bruno. *The Fustat al-'Adala: A Unique Manuscript on the Religious Landscape of Medieval Anatolia*. In: Peacock A.C.S., Sara Nur Yıldız (eds) *Islamic Literature and Intellectual Life in Fourteenth- and Fifteenth-Century Anatolia*. Würzburg:

Ergon Verlag; 2016, pp. 49–72. Available at: <https://goldsmiths.academia.edu/BrunoDeNicola>

15. Likhachev D. S. with collaboration of Alekseev A. A., Bobrov A. G. *Textology (on the material of Russian literature of the 10th–17th centuries)*. St Petersburg: Aleteiya; 2001. Available at: <http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/textologia/0070.pdf> (In Russ.)

16. Petrov A. E., Shnirelman V. A. Introduction. In: Petrov A. E., Shnirelman V. A. (eds.). *Falsification of historical sources and construction of ethnocentric myths*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2011, pp. 5–14; Available at: http://static.iea.ras.ru/books/falysifikatsiya_istorichesikih_istochnikov.pdf (In Russ.)

17. Al-Suyuti, 'Abd al-Rahman. *Tadrib al-Rawi fi-Sharh Taqrib al-Nawawi*, ed. Abu Qutayba al-Faryabi, Beirut: Maktabat al-Kawthar, 1415 AH. Available at: <https://ia802304.us.archive.org/20/items/waq21470/21470.pdf> (In Arabic)

18. Observations Mirza Alexandre Kazem-Beg, professeur de langues orientales à l'université de Cazan, sur le Chapitre inconnu du Coran, publié et traduit par M. Garcin de Tassy. *Journal Asiatique*. IVème série, ii. 1843:373–429. Available at: <http://visualiseur.bnf.fr/CadresFenetre?O=NUMM-93142&I=438&M=tdm>

19. Bakonina, M. S. *A Favorite Poet of the President*. Available at: <http://www.fontanka.ru/2007/06/19/053/>

20. Soudavar, Abolala. Forgeries i. Introduction; Oscar White, Muscarella. Forgeries ii. Of pre-Islamic art; Sheila, Blair. Forgeries iii. Of Islamic art; Richard, Francis. Forgeries iv. Of Islamic manuscripts. In: *Encyclopædia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/forgeries-i>

21. Tor, Deborah. Sanjar, Ahmad b. Malikšah. In: *Encyclopædia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/sanjar>

22. Abu'l-Hasan 'Ali al-Hujwiri; Zhukovskiy V. (ed.) *Kashf al-mahjub*. Leningrad; 1929. (In Persian).

23. Jalal al-Din al-Suyuti. *Al-Fariq bayna'l-musannif wa'l-sariq*, ed. Hilal Naji. Beirut; 1998. (In Arabic).

24. Khismatulin A. The Medieval *ta'lif*: Textological analysis and translation of the Risala-yi Abdaliya by Ya'qub Charkhi. In: Alikberov A. K., Piotrovsky M. B. (ed.) *Ars Islamica*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2016, pp. 392–436. Available at: <http://orientalstudies.academia.edu/AlexeyKhismatulin> (In Russ.)

25. Rosenthal, Fr. The Technique and Approach of Muslim Scholarship. *Analecta Orientalia*. 1947;24:1–74. Available at: <https://archive.org/details/TheTechniqueAndApproachOfMuslimScholarship/mode/2up>

26. Khismatulin A. Imam al-Ghazali and the types of scholarly activity. *Irano-Slavika*. 2007;(1–2):41–49. (In Russ.)

27. Khismatulin A. The Forms of Medieval Scholarly Literature in the 10th – 15th cent.: compositions (*tasnif*) and compilations (*ta'lif*). In: Rezvan M. E. (ed.) *Rahmat-nameh. A collection of articles in the Honour of R.R. Rakhimov*. St Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences; 2008, pp. 410–443. (In Russ.) Available at: http://lib.kunstkamera.ru/rubrikator/03/03_03/978-5-55431-158-9

28. Khismatuln A. Islamic Education Reflected in the Forms of Medieval Scholarly Literature: *Jam'*, *Tā'lif*, and *Tasnif* in Classical Islam. In: Günther S. (ed.) *Knowledge and Education in Classical Islam*. Leiden, Boston: Brill; 2020, pp. 475–487. Available at: <http://orientalstudies.academia.edu/AlexeyKhismatuln>

29. Omidsalar, Mahmoud. Minovi, Mojtaba. In: *Encyclopædia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/minovi-mojtaba>

30. Minuwi M. Yaddashti az ustad-i Mujtaba Minuwi dar bara-yi ti'dadi az nuskhaha-yi ja'ali, *Rahnama-yi kitab*. 1342/1963;2(6):238–240. (In Persian).

31. Minuwi M. Yaddashti az ustad-i Mujtaba Minuwi dar bara-yi ti'dadi az nuskhaha-yi ja'ali. *Nama-yi Baharistan*. 1381/2002;(5):191–192. Available at: <http://www.ensani.ir/fa/content/259990/default.aspx> (In Persian).

32. Omar Khayyam. *Ruba'yyat*, tr. and introduction by R. M. Aliev and M.-N. Osmanov, ed. by E. Bertel's. Moscow: Vostochnaya literatura; 1959. (In Russ.)

33. Minuwi, M. Kapus-nama-yi Frai (tamrini dar fann-i tazwirshinasi), *Yaghma* 1335/1956;9:449–465+481–495. Available at: <http://rasekhoon.net/article/show/902513/> (In Persian).

34. Bayani, Mahdi. Diwan-i Qatran-i Tabrizi ba khatt-i Anwari Abiwardi. *Yaghma* 1329/1950;11(3):461–474. Available at: <http://www.ensani.ir/fa/content/278733/default.aspx> (In Persian).

35. Ibn 'Abbad, Sahib. *Al-risala fi'l-hidaya wa'l-dalala*, ed. Husayn 'Ali Mahfuz, Muhammad Muwaqqar, Tehran, Anjuman-i farhangi-yi mihr, 1374 AH/1955 AD. (In Persian).

36. Omar Khayyam. *A New Version Based upon Recent Discoveries*, ed. A. J. Arberry. London: J. Murray; 1952.

37. Omar Khayyam. *Les Robaiyyat d'Omar Khayyam de Neyshaboor*, pour la première fois, traduits en vers français par Pierre Pascal d'après les plus anciens manuscrits. Roma: Éditions du Coeur Fidèle; 1958.

38. Ibn Sina, Abu 'Ali Husayn b. 'Abd Allah. *Mi'raj-nama ba khatt-i Imam-i Fakhr-i Razi*; chap-i 'aksi ba kushish-i Mahdi Bayani. Tehran: Anjuman-i dustdaran-i kitab; 1331/1952. (In Persian).

39. Rastgar Fasayi, Mansur. Khayyam, Farzad wa nuskhaha-yi ja'li-yi Ruba'yyat. *Farhang*. 1378/1999;29–32:181–202. Available at: <http://www.ensani.ir/fa/content/266314/default.aspx> (In Persian).

40. de Bruijn J.T.P. Kaykavus b. Eskandar. In: *Encyclopædia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/kaykavus-onsor-maali>

41. 'Unsur al-Ma'ali Kaika'us Ibn Iskandar Ibn Qabus. *The Nasihat-Nama known as Qabus-Nama*, ed. Reuben Levy. London: Luzac; 1951 (GMS, N.S. 18).

42. Mujarrad, Mujtaba. Piramun-i nuskhaha-yi maj'ul wa musawwar-i *Diwan-i Amir-i Mu'izzi* dar Danishgah-i Harvard. *Guzarish-i mirath*. 1391/2012;5–6(6):87–91. Available at: <http://www.mirasmaktoob.ir/fa/system/files/nashriat/GM-54&55-Mojarad-Noskhe-p87.pdf> (In Persian).

43. Sundermann, Werner. Henning, Walter Bruno. In: *Encyclopædia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/henning-walter-bruno>

44. Frye R. N. *Greater Iran: A 20th-century Odyssey*, Costa Mesa, Calif.: Mazda; 2005.

45. Afšar, Iraj. Eqbal Aštiani 'Abbas. In: *Encyclopædia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/eqbal-astiani>

46. 'Azimi Habibollah, Hashemi-e Asl Helya. Barrasi-yi anwa'-i ja'l wa tazwir dar nuskhaha-yi khatti ba istinad ba namunaha-yi az an. *Ayina-yi Mirath*. 1394/2015;(56):265–291. Available at: http://www.am-journal.ir/article_46428.html (In Persian).

47. Monzawi 'A. N. Adib Natanzi. In: *Encyclopædia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/adib-natanzi-badi-al-zaman-abu-abdallah-hosayn-b>

48. Romanov M. Digital Age, Digital Methods. In: Alikberov A. K., Piotrovsky M. B. (eds.). *Ars Islamica*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2016, pp. 129–156.

49. Balachenkova A. P., Tsyarkin D. O. Possibilities of technological analysis of historical papers in source-study investigation of monuments. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2017;62(2):375–399. (In Russ.) DOI: [10.21638/11701/spbu02.2017.213](https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.213).

50. Eder M. Rolling Stylometry. *Digital Scholarship Humanities*. 2016;31(3):457–469. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/440b/2dde1b6600fb1354206c409f588dc6f72032.pdf>

51. Sa'idi Sirjani 'A.-A. Dehkoda, Mirza 'Ali-Akbar Qazvini. In: *Encyclopædia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/dehkoda>

Информация об авторе

Хисматулин Алексей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Information about the author

Alexey A. Khismatulin, Ph. D. (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16 января 2020 г.
Одобрена рецензентами: 25 марта 2020 г.
Принята к публикации: 29 марта 2020 г.

Article info

Received: January 16, 2020
Reviewed: March 25, 2020
Accepted: March 29, 2020